

"Ну, сейчас я не чувствую благодарности."

- Одри О'Ханрахан

Башня Амагук

Город Старый Чикаго

Старая Земля

Солнечная Система

Одри О'Ханрахан поставила полупустую чашку кофе на маленький столик, встала и подошла к перилам балкона.

Был ветреный день, но по крайней мере, апрельские холода конца сезона остались в прошлом, и ей нравилось, как ветерок ласкает ее волосы. Она постояла несколько минут, смакуя ощущения и наблюдая за всегда напряженным, а иногда и безумным движением, которое шло через огромный город на самых разных уровнях. И столькими путями и способами.

Трубопроводы, аэрокары, пешеходные дорожки - она даже действительно могла видеть несколько пешеходов тут и там, а также то, что казалось целой армией бегунов.

Она не считала бегунов пешеходами. О'Ханрахан поддерживала отличную физическую форму, но выполняла упражнения приватно. В конце концов, не было причин потеть и кряхтеть на публике. Она рассматривала бег трусцой в общественных местах как легкую форму нарциссизма.

Когда она впервые начала приезжать в Старый Чикаго, еще до того, как она купила квартиру в башне Амагук, она платила дополнительно за комнаты с видом на озеро Мичиган, поскольку это был вид, который все рекомендовали. И действительно, всегда было приятно смотреть на огромное пространство четвертого по величине озера Старой Земли, особенно летом, когда оно было усеяно парусниками. А иногда это было впечатляюще, особенно когда накатывалась одна из сильнейших бурь.

Но после нескольких посещений она начала находить вид немного скучным. Это было похоже на посещение Гранд Каньона, что она тоже сделала... однажды. Первые пятнадцать минут были невероятными; следующие пятнадцать были... интересными. А после этого... Ну, в конце концов даже самый захватывающий вид становится довольно унылым, если он полностью статичен.

Озеро Мичиган, конечно, никогда не было полностью статичным, там всегда были волны. Но волны не могли конкурировать с безумием городского движения, созданного людьми. Так что она сэкономила немного денег, купив квартиру с видом на город, когда пришло время обосноваться в столице на постоянном месте. Она, конечно, не стала экономить дополнительно, купив внутреннюю квартиру, без внешнего балкона и вообще без вида на улицу. Люди могли говорить все, что хотели, о том, что умные экраны "так же хороши", как и прямой обзор, но Одри О'Ханрахан к их числу не относилась. И некоторые неудобства были недопустимыми, особенно учитывая поток доходов, который приносил ее сайт. Репортаж О'Ханрахан был самым популярным новостным расследовательским сайтом в большей части Солнечной Лиги, в том числе на самой Старой Земле, с буквально миллиардами подписчиков. Она упорно трудилась, чтобы добиться этого. Помощь, оказываемая ее контактами с Согласием, конечно помогала, но по большей части это был результат ее собственного мастерства, ее собственного таланта, ее собственной упорной, непоколебимой настойчивости и

ее искренней страсти к раскрытию правды.

Даже если существовала определенная правда, которой Репортаж О'Ханрахан не мог бы поделиться.

Была еще одна причина, по которой она выбрала Амагук. Согласно веб-сайту башни, она была названа в честь Жака Амагука, известного политического лидера Демократической партии первого века До Расселения из северного полушария Старой Земли, чья фамилия означала "Отец-волк" на одном из древних языков его предков. Но О'Ханрахан провела небольшое дополнительное исследование, и хотя все это было правдой, ей показалось совершенно подходящим найти дом в башне, которая была названа в честь хитрого бога инуитов.

В обычный день она провела бы на балконе не менее получаса, этого хватило бы на две полные чашки кофе. Но сегодня она прервалась всего через десять минут, прежде чем допила хотя бы одну. У нее был сценарий, который нужно было написать, и как это часто случалось, она обнаружила, проснувшись утром, что кусок в основном написан, пока она спала. Поэтому она хотела записать его для потомков, прежде чем что-нибудь забудет.

Для подавляющего большинства людей глагол "писать" на самом деле означал диктовать программе распознавания голоса. То же это означало и для О'Ханрахан, но не тогда, когда она могла позволить себе роскошь комфортной рабочей среды и не было необходимости спешить. В таких случаях она предпочитала старомодные методы. Она была твердо убеждена, что бы ни говорили неврологи, что ей лучше было бы, если бы ее пальцы были задействованы так же, как и ее мозг. Так что, по возможности, она использовала клавиатуру.

Однако она не была полным ретроградом. Она была вполне довольна виртуальной клавиатурой, и ей не приходилось повреждать кончики пальцев, ударяя ими по твердым, материальным клавишам. Когда-то она знала писательницу, которая настаивала на использовании архаичной механической клавиатуры, и ей было интересно, сколько медицинского внимания потребовалось этой глупой женщине, когда она закончила целую книгу.

Она села за стол, вызвала клавиатуру и начала печатать.

"Спонтанное решение" Кэтрин Монтень присутствовать на галактическом съезде Антирабовладельческой Лиги в Старом Чикаго - умный ход. Не только для нее, но и для правительства Мантикоры и всего Большого Альянса. Конечно, и Звездная Империя, и сама Монтень с негодованием будут отрицать, что ее поездка на Старую Землю имеет какую-либо официальную санкцию. Они будут настаивать на том, что это не более чем продолжение частным гражданином его давней приверженности и ведущей роли в борьбе с генетическим рабством.

Это умный ход именно потому, что никто не может эффективно возражать этому негодованию. Кэтрин Монтень действительно имеет безупречный, насчитывающий десятилетия, послужной список одного из центральных лидеров Антирабовладельческой Лиги, и возможно, она является ее самым известным и самым красноречивым публичным представителем. И хотя она больше не изгнанница из Звездной Империи и даже снова стала политически уважаемой, ни она, ни ее Либеральная партия не являются частью правительства премьер-министра Грантвилля. Действительно, официально они по-прежнему остаются "лояльной оппозицией".

Конечно, эта метка может вводить в заблуждение. Это определенно так, когда речь идет о внешней политике Мантикоры. По этим вопросам либералы сейчас фактически являются частью неформальной "большой коалиции". Хотя они продолжают свою политику несогласия с

центристами Грантвилля по ряду внутренних вопросов - вопросов, в которых Монтень никогда не колеблется - эти вопросы не являются центральными в политической жизни Звездной Империи. И не будут, пока конфликт с Солнечной Лигой остается официально неурегулированным.

Это делает присутствие Монтень здесь, в Солнечной системе, особенно интересным. Она не представила никаких посольских грамот Временному правительству, и она не будет присутствовать на Конституционном съезде. По крайней мере, официально. И маловероятно, что она лично будет присутствовать на каких-либо его заседаниях. Но простое ее присутствие на Старой Земле напоминает населению Солнечной системы и всей Солнечной Лиги, что послужной список Мантикоры во взаимодействии с независимыми звездными нациями Окраины и даже с "протекторатами" Пограничной безопасности с Периферии намного лучше, чем у Лиги. Это верно с дипломатической, экономической точки зрения и, что наиболее поразительно, с ее отношением к рабству и работорговле, и почти то же самое можно сказать о бывшем противнике Звездной Империи, а теперь союзнике, Республике Хевен.

Откровенно говоря, история отношения Солнечной Лиги к генетическому рабству отвратительна. Лига могла объявить работорговлю и сам институт генетического рабства вне закона, но это великолепное официальное положение на самом деле фиговый листок - и к тому же потрепанный. Давней, центральной чертой всеобщей коррумпированности чиновников и бюрократии Лиги было их старательное избегание любого расследования деятельности любой из гигантских трансзвездных корпораций, ведущих бизнес в Солнечной Лиге. То же самое применялось и к Рабсиле и связанным с ней трансзвездным компаниям... и к любому эффективному применению законов против рабства и работорговли. Наши бюрократические повелители отводили глаза, но их ладони всегда были протянуты.

Это непопулярная позиция - пока, по крайней мере - но, по нашему мнению, требование Большого Альянса, чтобы Солнечная Лига созвала специальный съезд и написала новую Конституцию, которая предотвратит возрождение политически необъяснимой бюрократии, которая дала нам Мандаринов и их пагубную политику, не просто оправдано, но во многом отвечает интересам Лиги. Отсутствие ответственности всегда порождает коррупцию. А коррупция всегда порождает злоупотребление властью, которое позволяет процветать варварствам, таким как генетическая работорговля, и в период своего расцвета запятнать каждого гражданина Лиги кровной виной за один из самых гнусных институтов в долгой и мрачной истории человеческой жестокости и коррупции.

Центральной задачей Конституционного съезда будет предотвращение возрождения этой коррупции, и мы уверены, что в рамках этой задачи его делегаты будут вынуждены конкретно бороться с рабством и работорговлей. Я сомневаюсь, что можно было бы найти хоть одного делегата на этом съезде, который сказал бы иначе, и подавляющее большинство из них будут искренними в своей решимости. В самом прямом смысле работорговля - отвратительное зло само по себе - также является фокусом, линзой, олицетворением того, что позволяет эта коррупция. И, если кто-либо из делегатов съезда решит не бороться с работорговлей, присутствие Кэтрин Монтень в нескольких километрах от их обсуждений, безусловно, заставит их напрячься.

И так и должно быть.

Неловко, мягко говоря, осуждать Большой Альянс за его требование переписать наш самый фундаментальный закон, или за его предполагаемую жестокость во время завоевания Мезы, когда люди, осуждающие их, принадлежат к государству, чье автократическое поведение и жестокость по отношению к огромному населению Окраины по приказу гигантских

корпораций было по крайней мере так же плохо. Кажется... маловероятным, что Большой Альянс - или Кэтрин Монтень - позволит Конституционному съезду или Лиге в целом забыть об этом, и им не следует этого делать.

Говоря о предполагаемой жестокости Большого Альянса в системе Меза, мы недавно получили информацию, которая как минимум ставит под сомнение ответственность Десятого Флота адмирала Золотой Пик за ядерную бомбардировку, унесшую жизни миллионов людей. Как известно слушателям Репортажа О'Ханрахан, я была на Мезе во время той бомбардировки. И как те же самые слушатели знают, я постоянно подвергала сомнению рассказ об империализме Мантикоры и Хевена как движущей силе войны между Большим Альянсом и Солнечной Лигой. Несмотря на это, первоначальные доказательства - или то, что казалось доказательством - виновности Большого Альянса в злодеянии на Мезе, в то время казались неоспоримыми. Однако новая информация, которая попала в мое распоряжение, решительно опровергает "свидетельства" ответственности Большого Альянса. Я намерена вскоре вернуться на Мезу, чтобы исследовать...

Она остановилась. На самом деле она не решила, собирается ли она снова посетить Мезу, и ее новая "информация" не поступала из какого-либо источника в Мезе. То, что на самом деле предоставил ей один из ее многочисленных контактов в соларианских вооруженных силах, было анализом бомбардировки Мезы, продвигаемым новым директором Управления флотской разведки адмирала Кингсфорда. Анализ был чисто неформальным, без официальной санкции или одобрения, но учитывая очевидное влияние доктора Ганнона на командующего флотскими операциями, к нему нужно было отнестись очень серьезно.

А проблема О'Ханрахан заключалась в том, что она была почти уверена, что Ганнон прав.

Она никогда не верила, что Одобон Баллрум ответственен за "террористическую" кампанию, которая предшествовала прибытию Десятого Флота в Мезу. Ее начальство по Соглашению не послало бы ее, чтобы скрыть это - не зная заранее, что это вот-вот случится и что это нужно будет скрыть - если бы само Соглашение не участвовало в этом. И если у нее и были какие-либо сомнения на этот счет, то их разрешил способ, которым был сформирован ее маршрут по Мезе. Кроме того, у нее были обширные контакты в разведывательных агентствах Мезы, а значит, она знала, что у Баллрума просто не было внутренних ресурсов для проведения кампании такого масштаба. Один-единственный инцидент, вроде Грин Пайнс... возможно. Ее внутреннее жюри все еще думало над этим. Она была готова принять возможность, что террористы Баллрум могли получить в свои руки одно или два ядерных устройства, и возможно, Грин Пайнс был делом их рук. В самом деле, это вполне могло послужить вдохновением - и предлогом - для серии... атак подражателей, о которых она была послана сообщить.

Но даже допуская возможность того, что Баллрум был причастен к Грин Пайнс, она никогда не верила, что Золотой Пик приказала нанести ядерные удары после прибытия. У нее не было никаких логических причин для этого. Единственная теория, которую кто-либо мог выдвинуть, почему она могла приказывать это, заключалась в том, что женщина была маньяком-убийцей. Или, по крайней мере, тем, кто не может сдерживать свирепый нрав в стрессовой ситуации.

Но ничто в истории мантикорского адмирала - О'Ханрахан исследовала ее биографию - не подтверждало это мнение. Женщина, двоюродная сестра императрицы Елизаветы, четвертая в очереди на мантикорский трон, не собиралась убивать миллионы мирных жителей и по прихоти отдавать подобную шипастую дубинку соларианским противникам Большого Альянса. И простой "стресс" вряд ли мог, мягко говоря, изменить это. К тому же Золотой Пик не испытывала никакого стресса. Ее Десятый Флот уже захватил Мезу. То, что осталось от правительства Мезы, лежало на спине, подрагивая лапами в униженном подчинении. Если

за всю историю галактических войн и было менее напряженное завоевание звездной нации, О'Ханрахан не смогла его найти.

А если это был не Баллрум и не Десятый Флот, то оставалось только объяснение Большого Альянса - что это было собственное Соглашение О'Ханрахан. Это объяснение имело гораздо больше смысла, чем любое другое. Настолько много смысла, что в конце концов О'Ханрахан приняла его сама... в частном порядке, конечно.

Она сделала это не сразу, и не просто потому, что не хотела этого, по множеству причин, включая огромное количество погибших. Уже тогда она поняла, что эта часть ее ответа была эмоциональной, но это не было единственной причиной, по которой она отвергла все это. Как и в случае с Золотым Пиком, она не смогла увидеть никакой логической причины или мотива Соглашения. Зачем ему делать что-то настолько жестокое?

На протяжении десятилетий она знала - поняла, когда присоединилась к Соглашению в подростковом возрасте - что его лидеры способны на безжалостность. Но лидеры каждой серьезной борьбы в истории по необходимости были безжалостны. Лидеры Соглашения ничем не отличались от десятков примеров, которые она могла бы найти. Например, лидеры демократических стран, которые боролись и победили фашистских тиранов за пару веков до Расселения. Они без колебаний подвергли своих врагов массовой бомбардировке с воздуха, включая зажигательные налеты и самое первое применение ядерного оружия, унесшие более двух миллионов жизней в то время, когда существовало немногим более двух миллиардов людей.

Они и не должны были колебаться, по мнению О'Ханрахан. Им пришлось сражаться не на жизнь, а на смерть с непримиримыми противниками, защищая своих граждан и все, во что они верили. Конечно, они были безжалостны, точно так же, как она ожидала, что ее собственные лидеры будут безжалостны в случае необходимости. И она была полностью готова поддержать их в этом. Дело, которому она посвятила свою жизнь, было важнее, чем все, что человечество когда-либо предпринимало. Тирания, с которой она боролась, была не эфемерным деспотизмом диктаторов, а тысячелетней, укоренившейся тиранией наследственных случайностей. Триллионы людей подвергались и продолжают подвергаться жестокому обращению из-за ограничений и дефектов человеческого генома. Даже с пролонгом и современной медициной продолжительность жизни человека была короче, чем должна быть, значительный процент человечества не мог даже воспользоваться преимуществами регенерационной терапии, сердца и легкие были не только более хрупкими, но и гораздо менее эффективными, чем могли бы быть, и преимущества скелета и мускулатуры генетических улучшений, таких как модификации Мейердала, оставались доступными не более чем двадцати процентам человечества.

Когда-то не было возможности систематически решать эти проблемы. Но все изменилось, учитывая развитие генетической и биологической науки со времен Расселения, а это означало, что неспособность сделать это больше не была оправдана. Ограничения человеческого генома теперь были вызваны не чем иным, как суевериями, политическими проступками и культурной инерцией. Иначе говоря, теми же факторами, которые в эпоху до Расселения приводили к охоте на ведьм, религиозным войнам, погромам - всевозможным зверским действиям.

Но хотя она могла и принимала безжалостность, которую ее дело считало необходимой, ограничения были необходимы. Цель, замысел - то, что должно оправдывать безжалостность, - должны стоять уплаченной цены, которую никогда нельзя платить непреднамеренно. И должен оправдывать морально, а не просто прагматично. А когда цена — жизни людей, ими можно платить лишь тогда, когда нет никакого другого выхода, никакой другой монеты,

которой можно было бы купить будущее... И причина, по которой ей было так трудно поначалу принять ответственность Согласия за ядерные удары, заключалась в том, что она не смогла увидеть внятного мотива. Это было похоже на бойню ради самой бойни. Как бы она ни старалась, она не смогла увидеть для этого никаких других мотивов, а этого она никогда раньше не видела у лидеров своего движения. И поэтому она не могла увидеть ни одной возможной причины - любой причины - которая могла бы оправдать или объяснить это.

До сих пор.

Никто никогда не информировал ее о каких-либо мерах, которые могли быть приняты для эвакуации кадров Согласия из Мезы, но она всегда понимала - любой во внутренних слоях луковицы понимал, просто в силу того, что он был очень умным, даже если ничего не знал - что такие меры должны были быть запланированы. Если и было что-то, во что верило Согласие, так это в то, что рано или поздно оно неизбежно будет вынуждено покинуть Мезу. Как независимая звездная нация, Меза никогда не подпадала под защиту Солнечной Лиги, и неправильное поведение ее корпоративного руководства - особенно Рабсилы, хотя Рабсила была далеко не единственной - должно в конечном итоге вызвать возмездие. И если кто-то вроде Большого Альянса придет и захватит Мезу, Согласие никогда не сможет рискнуть позволить своим кадрам попасть в руки завоевателей. Так что, очевидно, должен быть план по безопасному и заблаговременному извлечению этих кадров.

Но если Ганнон был прав... если его теория о том, что возмездие пришло так быстро и мощно, что Согласие было застигнуто врасплох и подготовлено лишь наполовину, верна...

Хотя даже это не могло объяснить или оправдать Удар Беовульфа. Убить более 40 миллионов гражданских? Гражданских, которые не представляли никакой угрозы ни эвакуации с Мезы, ни самому Согласию. Ради всего святого, как что-то подобное могло вписаться в цели и планы Согласия? Она не знала ответов на эти вопросы. Что до того, что произошло на Мезе, то да — теперь она могла признать это делом рук Согласия. Но с Беовульфом было... тяжело. В самом деле, она до сих пор не признала ответственность Согласия за него. Большой Альянс мог возложить ответственность на Согласие, и она легко могла понять причину, учитывая всё остальное, что перенесли его члены. Но искренность убеждения Альянса не обязательно означала его правильность. Было Бог знает сколько продажных бюрократов и корпораций, могущих учинить подобную бойню из-за их ярости на то, что Беовульф с самого начала поддерживал Мантикору и Большой Альянс. И в самом деле, она могла бы отбарабанить список из дюжины подозреваемых, начиная с Волкхарта Калокаиноса из «Калокаинос Шиппинг» вплоть до любой транспортной компании, которая понесла катастрофические потери от того, что Большой Альянс перекрыл кровоток межзвёздной жизни Солнечной Лиги. Она подозревала, что одной из причин, по которым ей было так легко сочинить подобный список, было то, что ей было совершенно невозможно сочинить подходящую причину для того, чтобы такую бойню совершило Согласие. Но для бойни на Мезе это уже не было невозможным.

Ей придется пройти по очень тонкой линии. С одной стороны, поддержание - нет, улучшение - ее репутации самого надежного и неподкупного репортера-расследователя в галактике было бы чрезвычайно полезно для Согласия, особенно в долгосрочной перспективе. С другой стороны, как ей это сделать, не убедив галактику в том, что ее Согласие действительно было организацией жестоких массовых убийц?

А немного подумав о том, что ей хотелось признать это, хотя бы перед собой — как она могла так поступить, когда в самой глубине сердца и души она всё ещё ужасалась самому масштабу того, что произошло на Мезе? Она могла всецело постичь практическую необходимость вывести людей в безопасное место, но как могли руководители Согласия — любые из членов

Согласия — морально уравновесить это со столькими миллионами смертей? Особенно когда она всё ещё не могла (хотя безумно хотела) быть уверенной в том, что её Согласие не несло ответственности за то, что произошло на Беовульфе.

Она сидела, глядя на то, что уже написала, по крайней мере, пять минут, затем глубоко вздохнула.

Она не была готова взяться за эту конкретную проблему. И в этом ей не было нужды, уж точно не сегодня. Только после того, как её разум убедится в точности анализа Ганнона... и в том, что она, Одри О'Ханрахан, сможет принять то, что её Согласие действовало в соответствии со своими планами и нормами. Пока она не была убеждена ни в том, ни в другом. А пока...

И она стерла свой последний абзац, удалила все упоминания о новой информации о Мезе и закончила коротким выводом о вероятном поведении Монтень в ближайшем будущем.

Сделав это, она отослала кусок и направилась в спальню одеваться.

Делегаты Конституционного съезда все еще прибывали из более далеких звездных систем Солнечной Лиги. По размеру Лига имела много общего с динозавром или, возможно, с синим китом Старой Земли. Даже с гипертоннелями потребовались буквально месяцы, чтобы даже быстрые курьерские суда достигли некоторых из этих систем с новостями о капитуляции Лиги. Затем им нужно было выбрать делегатов - в некоторых из них это сопровождалось дракой - а затем отправить делегатов обратно в ту же многомесячную поездку. На самом деле было замечательно, что им удалось собрать достаточное количество из них для кворума "всего" за четыре месяца, и они все еще не были готовы приступить к серьезному написанию конституции. Однако они были готовы хотя бы одобрить - или, конечно, отвергнуть - политики есть политики - процедурные указания, предложенные Временным правительством, и первое официальное заседание съезда было назначено на полдень. Она хотела быть там, когда он созывается. На самом деле, она хотела приехать туда до его созыва, чтобы взять интервью у нескольких наиболее важных делегатов.

* * *

Процесс одевания был источником некоторого нетерпения и еще большего раздражения.

Когда она вернулась в Старый Чикаго с Мезы, ее кураторы сообщили ей по одному из своих обходных каналов, что они хотят, чтобы она воспользовалась услугами службы Безопасность Уайтинга. Они говорили об этом весьма категорично.

Лично она думала, что они пугаются теней. Мезанские корпорации, которые она столько лет приводила в ярость, были разгромлены, а некогда могущественная бюрократия Солнечной Лиги гораздо больше беспокоилась из-за того, что генеральный прокурор Рорендаал и Симеон Гаддис дышали ей в затылок, чем из-за нее. О, она наверное все еще чертовски их раздражала, но у них были гораздо более насущные проблемы, чем она. Когда спецслужбы Большого Альянса систематически демонтировали мезанские корпорации, а Гаддис и Рорендаал переворачивали один камень за другим, публичные разоблачения некой Одри О'Ханрахан были далеко в списке угроз. Когда дело касалось ее работы в качестве журналиста-расследователя, она не привыкла играть вторую скрипку. Но так оно и было, по крайней мере, сейчас, поэтому казалось... мягко говоря, маловероятным, что кто-то будет тратить ресурсы на ее убийство в такой момент.

Но ее кураторы настояли. И хотя они редко отдавали такие конкретные категоричные приказы, они были очень настойчивы, делая это, вплоть до непреклонности.

Итак, она, как хороший солдат, надевала защитную одежду, которую выдал ей Уайтинг для ношения при каждом выходе на публику.

Это требовало некоторого времени.

На самом деле, "блейзер" был не так уж и плох. Неудивительно, ведь он должен был стоять целое состояние. Его антибаллистическая умная ткань гарантированно останавливала что угодно, кроме огня тяжелого пульсера военного образца, еще его можно было программировать бесконечное количество раз как по цвету, так и по крою. Загрузка выкройки для сшитого на заказ однобортного блейзера, подходящего для прохладного дня и идеально сочетающегося с выбранным ею брючным костюмом, занимала некоторое время, но не была особенно сложной.

Она не могла сказать то же самое об еще одном смехотворно сложном приспособлении - почему бы просто не назвать его поясом целомудрия и покончить с этим? - которое должно было уместиться на животе под "блейзером". Регулировать его было раздражающе неудобно, мягко говоря.

И оно делало ее толстой.

В конце концов, однако, она облачилась, вышла из квартиры и обнаружила, что ее телохранитель из Уайтинга стоит прямо у двери, ожидая ее. Долго ли? подумала она, но не спросила.

Она заявила службе безопасности - довольно твердо - что ей не нужно, чтобы кто-то круглосуточно охранял ее квартиру. Они спорили. Она настаивала. В конце концов, они сдались... за исключением того, что они этого не сделали. Вместо этого они "достигли договоренности" с руководством башни о постоянном размещении кого-либо в лифтовом зале на ее этаже. Официально она ничего об этом не знала, хотя была одним из ведущих журналистов-расследователей Солнечной Лиги. С другой стороны, ей было приказано пользоваться их услугами, поэтому она не могла выгнать их к чертям из своей жизни. Фактически, она не могла даже спорить с ними по этому поводу, потому что любой знавший ее понимал, что она не стала бы спорить - она бы просто уволила их.

Поэтому они притворились, что не наблюдают за ней всю ночь, а она притворилась, что не знает, что они это делают.

Иногда она ненавидела быть хорошим солдатом.

По крайней мере, Майкл Андерле, телохранитель, назначенный для ее личной охраны, обладал чувством юмора. И он мог быть специально выбран на Центральном Кастинге на роль Устрашающего Телохранителя. Судя по внешнему виду и цвету кожи, Андерле был выходцем из Самоа или какого-то другого тихоокеанского островного происхождения. Он был ростом около двух метров и, должно быть, весил сто шестьдесят пять килограммов, из которых очень мало казалось жиром.

Что ж, если случится худшее и у нее случится обморок, он запросто запихнет ее в карман и отнесет домой.

"Я еду в Лигу Плаза," - сказала она, и он кивнул.

"Аэрокар ждет вас."

* * *

О'Ханрахан скорее назвала бы большой, тяжелобронированный "аэрокар" карманным штурмовым шаттлом. Но она воздерживалась от шуток во время пятнадцатиминутного полета до Лиги Плаза. Обладая значительным опытом работы со службами безопасности, она обнаружила, что их чувство юмора очень похоже на чувство юмора морского ежа. То есть вообще никакого.

"Плаза" на самом деле представляла собой целый комплекс, сосредоточенный вокруг Зала Ассамблеи - великолепное здание в форме снежинки из кристопласта, настоящего мрамора и полированного сплава, расположенное как идеальный драгоценный камень в форме звезды в живописном парке прямо через Лига-авеню от башни Джорджа Бентона. Оно было намного ниже башни - не более шестидесяти пяти этажей до самого верха ее центрального шпиля, - но идеально вписывалось в ландшафтный парк Плазы со скульптурами, пешеходными дорожками и великолепными водными объектами. И эти благоустроенные территории занимали более пятнадцати квадратных километров Старого Чикаго, места самой дорогой недвижимости во всей Солнечной Лиге.

Даже Одри О'Ханрахан, которая видела Зал Ассамблеи больше раз, чем могла сосчитать, не была застрахована от впечатляющей красоты Плазы. Построенная на западной окраине Старого Чикаго после Последней войны и официального провозглашения Солнечной Лиги, она с самого начала задумывалась как подходящий дом для столицы крупнейшей и богатейшей звездной нации в истории человечества, и ее создатели преуспели в своей задаче. Палата Звезд в самом сердце Актового зала была знакома каждому соларианскому школьнику из видео и учебников, но существовала разница между изображениями, какими бы впечатляющими они ни были, и реальностью тринадцати веков правления. Истории. Достижений и превосходства.

Тринадцать веков, кончившихся тем, что Лига стала еще более презренной, подумала она, когда аэрокар подъехал к одной из парковок Плазы.

Нет, не презренной. Жалкой.

Она подумала, насколько успешным будет Конституционный съезд в возвращении изначальной души Лиги. Это было неизбежно, что съезд встретится с этим здесь, в символе того, чем Лига была и должна стать снова, но его задача была непростой. Конечно, это было также...

"У нас проблема, Майкл," - сказал водитель.

"Что за проблема?"

"Нам не разрешают парковку." Водитель постучал по наушнику и пожал плечами. "Похоже, только что приземлилась какая-то большая шишка, и его охрана захватила нашу площадку."

"Дерьмо."

Андерле включил навигационное приложение в своем уни-линке и нахмурился. Затем настала его очередь пожать плечами.

"Окей, если мы не можем здесь приземлиться, высади нас на площадке Терстон-Холмс."

"Хорошо."

Аэрокар немного поднялся, накреньясь и занимая другую полосу для подлета, и Андерле

извиняюще скривился, глядя на О'Ханрахан.

"Извините, мэм. Боюсь, нам придется пройти около трехсот метров от места посадки."

"Я почти уверена, что смогу проковылять так далеко, даже в моем болезненном состоянии," - сухо сказала она, и он фыркнул.

"О, я знаю." Он был ее телохранителем уже больше недели, и значит, знал, насколько быстро она пройдет эти триста метров. "Просто сегодня все открыто и как-то ветрено."

"Ну, это Старый Чикаго," - напомнила она ему. Она скорее сомневалась, что ветерок имел какое-либо отношение к его недовольству, но она по-женски сопротивлялась искушению обмануть его по этому поводу. Его работа заключалась в том, чтобы беспокоиться об убийцах, как бы глупо это ни было.

Они вышли, и аэрокар взлетел, когда они направились к лестнице на уровень земли. О'Ханрахан уклонилась от эскалатора и быстро спустилась по ступеням, уверенная, что Андерле не составит труда поспеть за ней. Он мог весить в три раза больше, чем она, но он был атлетичным бегемотом, а его шаги были вдвое длиннее ее.

Спустившись по лестнице, она повернула налево, направилась к ближайшей пешеходной дорожке, которая была примерно в тридцати метрах от нее, полезла в карман за планшетом и вывела список вопросов, которые собиралась задать своей жертве, как только та будет правильно загнана в угол. Она, вероятно, не должна считать своих собеседников "жертвами", напомнила она себе, но она была почти уверена, что именно так они думали о себе, когда она заканчивала с ними. Во всяком случае, она действительно на это надеялась!

Ее губы дернулись от знакомой мысли, пока она просматривала вопросы. А теперь, если ей начать с...

Зажим с гидравлическим приводом сжал ее шею сзади.

Ее глаза расширились, когда рука Андерле повалила ее на колени - это было больно - а затем швырнула на землю позади него. От удара у нее перехватило дыхание, когда она приземлилась - жестко - и ударилась затылком о керамакрит. Что за черт...?

Что-то взвыло. Звук был высоким и пронзительным, и на мгновение она не могла его определить. Затем, глядя в спину Андерле, она увидела, как его тело что-то затрясло - несколько раз. Пульсеры. Этот вой был огнем пульсеров!

Ее глаза опустились вниз, ища источник огня, и увидела приближающихся к ним мужчину и женщину. Мужчина шел впереди, держа пульсер двумя руками. Пульсер целился в нее!

Ствол выглядел большим, как старинная водосточная труба. Когда она подумала об этом, уголок ее мозга сказал ей, что эта мысль нелепа. Калибр пульсера измерялся миллиметрами. Он не мог быть таким огромным, как выглядел!

Но ей удалось лишь мельком увидеть это, прежде чем Андерле поднялся на колено, заслоняя ее своим огромным телом. Теперь он стрелял в ответ. Мгновение спустя она увидела, как нападавший на нее, пошатываясь, вернулся в поле ее зрения. Кровь пульсировала из раны на его груди - нет, она текла из его шеи.

Позади него женщина отошла в сторону, ища угол, с которого она могла бы выстрелить в

О'Ханрахан. Ее пульсер поднялся...

... и выстрелил сообщнику в спину.

Мужчина мгновенно рухнул, когда его поразил выстрел в спину. За свою журналистскую карьеру О'Ханрахан достаточно изучила бойни, чтобы знать, что подобные вещи не редкость в рукопашных схватках. Но это не спасло ее, потому что нервы женщины, казалось, успокоились. Пульсер нацелился в О'Ханрахан, и мгновение спустя сверхскоростной нож мясника рассек ей правую щеку. Кровь текла повсюду, и ее рука инстинктивно двинулась, чтобы прикрыть изорванную плоть, которая была ее лицом.

Андерле снова попытался вмешаться, но сам получил несколько попаданий, и они замедлили его. Женщина выстрелила еще раз, прежде, чем он смог защитить О'Ханрахан.

Она закричала, когда в нее врезался первый дротик. Еще один ударил в нее, затем третий, но учитывая все обстоятельства, ей невероятно повезло. Выстрел пошел в сторону, разорвав левую ногу О'Ханрахан. Это были хорошие новости. Плохая новость заключалась в том, что дротик вошел под острым углом, разрывая плоть и ломая кости... и что женщина-киллер все еще стреляла.

В этот момент мир Одри О'Ханрахан милостиво стал черным.

Конференц-зал Оскара Кантрелла,

Звездная Палата,

Старый Чикаго,

Старая Земля,

Солнечная система.

"И мы должны ввести ограничение по времени для выступлений из зала," - сказал Чонг Чун-Хо. "Я не ожидаю, что это будет популярно, но у нас просто будет слишком много делегатов, чтобы работать по-другому."

"Непопулярно - мягко сказано, Чун-Хо," - ответил Джонатан Браунлих. "Мы говорим о написании совершенно новой Конституции. Многие наши делегаты решат, что у них есть право на то, чтобы их комментарии, в том числе возражения, заносились в протокол."

"Не говоря уже о том, что они хотят быть в центре внимания," - с кривой улыбкой отметила Насрин Хошкам. "Эта политическая возможность бывает раз в жизни, и каждый из наших самоотверженных коллег-делегатов знает это так же хорошо, как и мы."

Чонг весело фыркнул, но покачал головой.

"Конечно. Но я не думаю, что Большой Альянс будет очень счастлив, если мы будем тратить много времени на несущественное."

"К черту Большой Альянс," - прорычал Филипп Малерб.

Делегат от Вайнпресса обладал драчливым характером, это еще мягко говоря, подумал Чонг. А Вайнпресс Транстеллар, крупнейшая корпорация его домашней системы, понесла катастрофические финансовые потери в результате торговой войны Большого Альянса против

Лиги.

"Ублюдки могут диктовать нам условия, - продолжил Малерб, - но будь я проклят, если буду тратить время, целуя их задницы!"

"Дело не в том, чтобы целовать чью-то задницу, Филипп," - сказал Чонг. "Дело в написании Конституции в разумные сроки."

"Чун-Хо прав. Что бы мы ни делали, на это уйдут месяцы, даже после того, как мы соберем весь съезд," - добавила Лидия Крижанович, старший делегат системы Купер. "Я за то, чтобы не держать всю Лигу в подвешенном состоянии дольше, чем необходимо, Филипп."

Чонг кивнул, одновременно благодарный за поддержку и раздраженный тем, что то, что только что сказала Крижанович, было настолько очевидно. В некотором смысле, когда им, наконец, удастся собрать весь съезд, это будет огромным личным облегчением. На данный момент он застрял на своем посту председателя процедурного комитета, и ему не терпелось передать свои текущие обязанности официально признанному председателю съезда.

Кого, будь его воля, звали бы как угодно, только не Чонг Чун-Хо.

Малерб сердито смотрел на них обоих. Было бы гораздо проще или, по крайней мере, эффективнее вывести его из комитета. К сожалению, Вайнпресс находился всего в восьмидесяти восьми световых годах от Солнечной системы, и его делегаты быстро прибыли на съезд. Во многом благодаря, без сомнения, огромному политическому влиянию Вайнпресс Транстеллар в системе. Вайнпресс - как корпорация, так и системное правительство, в той мере, в какой они были отличимы друг от друга - был явно полон решимости вставить ногу в дверь съезда настолько твердо, насколько это возможно. Чонг никогда не сомневался, что Малерб был бы столь же большой проблемой для любого из других комитетов, но Законодательное собрание определило, когда оно писало правила для выбора делегатов, что старшинство на съезде будет определяться датой, в которую различные делегаты представили свои верительные грамоты в Старом Чикаго. В оправдание раздражения Малерба, родная система Чонга Тесей была на двенадцать световых лет дальше от Солнца, чем Вайнпресс, но он прибыл на Старую Терру на семьдесят три часа раньше делегации Вайнпресса.

И, наверное, лучше, чтобы он был здесь, чем в Комитете по правилам, подумал Чонг. Конечно, у них там свои бои, не так ли?

"Слушай," - сказал Браунлих. "Никого из нас не радует, что Большой Альянс приставил к нашей голове пульсер, чтобы заставить нас сделать это, Филипп. Но, боже мой, чувак! Посмотри, куда нас привели Мандарины." Лицо делегата системы Дунай было мрачным. "Я ненавижу то, как много людей было убито, я ненавижу весь промышленный и экономический ущерб, но за столетия не было настоящего "федерального правительства". Было неподконтрольное - и неконтролируемое - бюрократическое кумовство, не подотчетное абсолютно никому."

Гнев Малерба усилился. Вайнпресс хорошо жил при этом "бюрократическом кумовстве", и он не видел абсолютно никаких причин, по которым его следовало менять.

Это прискорбно, подумал Чонг, потому что - независимо от того, собирался ли съезд под принуждением или нет - Браунлих был прав. Это нужно было сделать давным-давно. Самое позднее, четыре или пять Т-столетий назад, примерно в то время, когда стало очевидно, что то, что ее основатели представляли в первую очередь как торговую ассоциацию с атрибутами правительства, превратилось в фактическое правительство без необходимого законодательного

надзора.

"Я должна согласиться с Джонатаном," - сказала Крижанович. "Но прав он или нет, это не меняет того, что Большой Флот не покинет Солнечную систему, пока мы не подготовим и не утвердим это, Филипп. Вам это может не нравиться. Черт, мне тоже не нравится, что они приставили к нашим головам "пульсер"! Но сложно понять, что еще они могли сделать, учитывая поистине выдающуюся глупость и умение Мандаринов облажаться. Неужели они должны были позволить Лиге продолжать многочисленные убийства?"

Ее глаза были жесткими, в них горел огонь неподдельного гнева. Она и Малерб с самого начала возненавидели друг друга, и Чонг надеялся (без особого оптимизма), что личностные столкновения внутри его собственного комитета не предвещали того, что произойдет, когда соберется весь съезд.

"А я должен согласиться с мнением Лидии," - сказал он. "На то, чтобы написать эту проклятую вещь, уйдут Т-месяцы - даже после того, как мы соберем здесь кворум и сможем начать готовить предложения. И чем дольше это займет, чем дольше вся Лига будет находиться в подвешенном состоянии, тем дольше Большой Альянс будет находиться в Солнечной системе и тем дольше мы не сможем начать восстановление инфраструктуры системы."

Малерб выглядел еще более разгневанным, если такое возможно, но он тоже сердито кивнул.

"Хотя я, конечно же, согласен с вами, Чун-Хо, - сказал Браунлих, - я думаю, что нам нужно быть осторожными с тем, что мы предлагаем, когда дело касается ограничения времени выступления. Комитет по правилам может ограничить время каждого выступающего, но я не вижу законного способа отказать любому делегату в праве выступать из зала."

"Большая часть работы должна выполняться в комитете," - отметила Крижанович. "К тому времени, когда дело дойдет до голосования, настоящие гайки и болты будут уже достаточно прочно закреплены на своих местах, поэтому по большому счету любой, кто выступает в дебатах в зале, будет выступать за или против решений комитета, представленных в черновиках. Так что, возможно, нам нужно ограничить делегирование каждой системой одного выступающего в зале. Чтобы тот, кого они выберут, мог говорить от имени всех по общему списку пунктов в пределах временных ограничений, установленных Комитетом по правилам и председателем. Разве это не поможет сконцентрировать их комментарии? Я думаю, что они могут назначить другого оратора из делегации, когда захотят, но у них может быть только один во время "рабочего заседания". Когда придет время голосовать по окончательным элементам черновика, нам придется расширить это положение, но даже тогда..."

Дверь конференц-зала резко отворилась, и через нее ворвалась Дипти Чандекар, одна из делегатов системы Лэндфолл.

"Извините, что опоздала," - сказала она, и глаза Чонга сузились. По его мнению, Чандекар всегда была немного взбалмошной. С ее мозгом все было в порядке, и она уже внесла несколько полезных вкладов в работу Комитета, но делегат Лэндфолла казалась слишком возбудимой. Однако на этот раз она казалась даже более возбужденной, чем обычно.

"Все в порядке..." - начал он, но она оборвала его.

"Была стрельба!!"

Остальные члены комитета застыли, недоверчиво глядя на нее.

"Кто-то только что пытался убить Одри О'Ханрахан прямо у Зала Ассамблеи!" - объявила она.

Госпиталь Эллери Хэмметт

Город Старый Чикаго

Старая Земля

Солнечная Система

Она оставалась без сознания в течение следующего дня, в то время, как медицинская бригада приступила к работе.

Рана на лице была ужасной, но не опасной для жизни. Интенсивная терапия может достаточно легко справиться с повреждением, и хотя реконструктивная биоскульптура может быть обширной, это также будет обычным делом. Восстановление двух утраченных зубов, вероятно, займет больше времени, чем сама операция, если только она не выберет протезы.

Но ее нога...

Всего в нее попало четыре дротика, и три из них прошли в продольном направлении от точки чуть ниже ее коленной чашечки до точки чуть выше середины бедра. При их скорости движения по этой траектории результат был более, чем просто катастрофическим. Ее бедренная кость превратилась в крошево, а мышцы вокруг нее были полностью разрушены.

Не было смысла спасать сильно поврежденную конечность. Все, что врачи могли сделать, это ампутировать ее примерно на двенадцать сантиметров ниже тазобедренного сустава и подготовить к регенерации.

* * *

"Простите меня, миз О'Ханрахан, - сказал ИИ частной палаты, - но у вас есть посетитель. Если вы готовы, конечно?"

О'Ханрахан оторвалась от блокнота. Она была в сознании меньше шести часов и все еще пыталась понять, что с ней случилось. Она не слишком доверяла так называемым новостям, освещавшим эту историю. Если бы она сообщала об этом, было бы намного больше подробностей!

"Кто это?" - спросила она невнятным из-за обездвиживающего повреждения щеки голосом.

"Это Хаммонд Уайтинг, мисс О'Ханрахан," - произнес человеческий голос прежде, чем ИИ смог ответить, и она нахмурилась.

"Войдите, мистер Уайтинг," - пригласила она, и в комнату вошел крупный, грубоватый, симпатичный парень.

"Я пришел персонально извиниться за случившееся," - сказал он. "Этому нет оправдания, но к чести Андерле, трудно прийти с оружием к Лиге Плаза. Особенно с таким оружием." Владелец и генеральный директор Безопасности Уайтинга покачал головой. "Вам - и Андерле! - повезло, что они не могли метко стрелять, потому что оба использовали оружие военного образца. Его бронежилет не был рассчитан на такую огневую мощь."

"Как он?" - быстро спросила она.

"Он поправится. Когда его привезли, он был в критическом состоянии, но он очень хорошо реагирует на интенсивную терапию." Уайтинг мрачно улыбнулся. "Хорошее качество для телохранителя. Но пройдет много времени, пока он вернется к работе."

"Женщину схватили?"

"Нет." Уайтинг покачал головой. "Нет, она сбежала бесследно. В этом она не облажалась, хотя и убила своего партнера."

"Она виновата в этом? Я думала, Майкл попал в него хотя бы раз."

"Да, дважды. И любой из выстрелов, вероятно, убил бы его. Но тот, который действительно убил его - почти мгновенно - исходил от его напарницы. Его бронежилет был не так хорош, и ее выстрел прошел прямо сквозь него. Ему не повезло. Дротик перерезал ему спинной мозг, а затем пробил сердце. С этим практически невозможно выжить, даже если скорая помощь стоит рядом."

"Выяснили, кто это был? Зачем он хотел убить меня?"

"Выяснить, кем он был, было довольно просто. Его звали Авалон Уэрта, и полицейские имели на него досье толщиной с мою руку. Он никогда не был осужден, но подозревался в трех убийствах. Полиция думает, что все убийства первой степени, все убийства заказные." Уайтинг пожал плечами. "Другими словами, наемник. Если бы он выжил, полиция могла бы получить от него личность работодателя. А возможно и нет. Кто бы это ни был, у него чертовски глубокие карманы, судя по качеству использованной технологии: программируемые нанотехнологии, чтобы скрыть черты лица и изменить цвет волос, полная кожная аппликация, которая полностью изменила цвет лица Уэрты и замаскировала любые следы ДНК, которые он мог оставить. Мы предполагаем, что у его сообщницы была такая же технология, что сделает практически невозможным ее идентификацию. Единственная причина, по которой полиция Старого Чикаго смогла опознать Уэрту, была в том, что у нее в руках оказался его труп."

Уайтинг покачал головой с обеспокоенным выражением лица.

"Я совершенно не готов делать предположения на счет каких-либо имен, миз О'Ханрахан, но тот, кто хочет, чтобы вы умерли, явно готов потратить столько, сколько потребуется. А такие люди делают свою грязную работу с помощью фигурок. Я уверен, как в том, что я здесь, что Уэрта никогда не встречался ни с одним из них напрямую, и когда он мертв, а женщина исчезла..." Он снова пожал плечами. "Боюсь, что мы вряд ли когда-нибудь узнаем, кто за этим стоял. Тем более, что..."

Он заколебался, и она улыбнулась, более криво, чем могло объяснить только неподвижное состояние лица.

"Тем более, что список моих врагов длиннее, чем полицейское досье Уэрты," - закончила она за него.

"Боюсь, что так." Уайтинг кивнул, затем скривился, когда его уни-линк зазвонил. Он посмотрел на него, затем снова на О'Ханрахан с извиняющимся видом.

"Мне действительно нужно разобраться с этим," - сказал он. "Но я хотел увидеть вас как можно скорее. Вы проведете много времени в госпитале, миз О'Ханрахан. Восстановление ноги - долгое дело. Тем не менее, я разговаривал как с полицией, так и с администрацией больницы, и у нас здесь есть команда, которая присмотрит за вами. К тому времени, когда вы сможете

уйти, Андерле должен быть готов вернуться к своим обязанностям. Если только... - он склонил голову, - вы не предпочтете, чтобы я назначил вам кого-нибудь еще? Я понимаю, что вы можете почувствовать себя... разочарованной, учитывая, где вы оказались. В конце концов, он должен был охранять вас."

Он обвел рукой светлую, просторную больничную палату и посмотрел на нее, но она быстро покачала головой.

"Он не сохранил меня невредимой, - сказала она, - но он сохранил мне жизнь - и за это ему пришлось заплатить немалую цену. С того места, где я сижу - или лежу в данный момент - это довольно справедливый синоним слова "безопасность". Меня устраивает Майкл как телохранитель. На самом деле, я бы предпочла его."

"Окей. Будет Андерле."

Уайтинг кивнул и извинился. Честно говоря, О'Ханрахан была рада его уходу. И не только потому, что его уровень энергии был адски утомителен для инвалида.

Она подумала, не был ли он частью плана. Возможно, нет. Он вовсе не казался умным.

Впрочем, как и Майкл Андерле, а О'Ханрахан не сомневалась, что он был в самом центре заговора. Должен был быть. Без него невозможно было бы добиться успеха в столь тщательно спланированном покушении.

Скорее, можно было потерпеть неудачу. Она покачала головой. Уровень мужества и силы духа, требуемый от Майкла Андерле, поражал воображение. Он сам был готов получить серьезные травмы - оказаться в нескольких миллиметрах от того, чтобы быть убитым. Или действительно быть убитым. На это согласился бы только преданный своему делу член Согласия. Женщина тоже должна была быть частью заговора, и О'Ханрахан была уверена, что броня Майкла была незаметно усилена. Но Уэрта не был частью заговора, и любой из его выстрелов мог оказаться фатальным, несмотря на то, что Майкл был предупрежден и что его доспехи улучшены.

Как сказал Уайтинг, Уэрта был просто наемным стрелком. Точнее, он был просто наемным лохом.

Она улыбнулась слегка насмешливо, гадая, ожидал ли кто-нибудь из людей, спланировавших это, обмануть ее этой шарадой.

Женщина, которая не умела метко стрелять.

Напротив. Эта женщина, кем бы она ни была, должна была быть одним из лучших стрелков Согласия. Каждый дротик, который она выпускала, попадал точно в цель. Первый, убивший ее сообщника... который сохранил жизнь Андерле и позаботился о том, чтобы Уэрту никогда не допросили.

Затем выстрел, разорвавший лицо О'Ханрахан. Она протянула руку и коснулась повязки, защищающей заживающую рану. Если бы ее убрали, ее незащищенное лицо было бы ужасным - и она ни на секунду не сомневалась, что множество изображений этого первоначального, кровавого ужаса было снято камерами наблюдения, прохожими (всегда были прохожие с камерами уни-линков), бригадами судебно-медицинских экспертов и любыми репортерами в пределах пяти километров от места стрельбы. К настоящему времени они, несомненно, были распространены по всей Солнечной системе - на самом деле, она видела некоторые из них на своем компьютере до того, как появился Уайтинг - и направлялись в остальные части

галактики. Сайты с более высокой репутацией не стали бы публиковать их, но было множество других, которые мгновенно разместили это.

А затем выстрелы, разбившие ее левую ногу. Она была уверена, что точно так же многие изображения этой изорванной конечности также распространялись по всей галактике.

Жуткие, ужасные раны. Которые - говори теперь о слепой удаче - на самом деле не угрожали ее жизни и даже существенно не мешали ее деятельности в качестве репортера-расследователя. Фактически, они, вероятно, улучшат ее работоспособность, когда она в достаточной мере выздоровеет. Бесстрашная, отважная Одри О'Ханрахан, вынужденная хромать и находиться в кресле с электроприводом, бедняжка. Одна из ее ног была разрушена, но ее разум - и обе руки - по-прежнему в хорошем состоянии, и она доказала, что никакое покушение не запугает ее. Кто мог не поверить в честность такого репортера?!

Она сделала медленный, глубокий вдох и так же медленно выдохнула, заставляя себя выдохнуть вместе с воздухом гнев.

Будь хорошим солдатом. Едва ли она могла философски относиться к безжалостности Согласия, а затем скулить, когда к ней применялась такая же безжалостность. Если это было для благой цели.

Что... она подумала, что это возможно. Может и не необходимо. Но у нее не было сомнений в том, что после двух предыдущих покушений на ее жизнь - из которых она вышла совершенно невредимой - это кровавое почти-убийство укрепит ее репутацию. Не было двери в исследованной галактике, которая будет закрыта для нее, и никто никогда не усомнится в беспристрастности ее работы или ее выводов.

Ни в Центре, ни в Оболочке, ни на Периферии.

И ни в Большом Альянсе.

Бесстрашная, отважная Одри О'Ханрахан.

Какого черта, почему бы и нет? Ее лицо скоро заживет и будет восстановлено. И в конце концов, ногу ей тоже вернут.

* * *

Следующий посетитель О'Ханрахан был неожиданным.

"Я не задержусь надолго," - сказала Кэтрин Монтень.

Мантикорский политик-крестоносец потратила несколько секунд, чтобы изучить ее, затем покачала головой.

"Дерьмово выглядите," - произнесла она. "Я вам очень сочувствую - правда. Я хотела зайти по двум причинам. Во-первых, я хочу выразить свое восхищение проделанной вами работой. Мы никогда не встречались, но я уже много лет являюсь вашей поклонницей. Во-вторых, с негодованием отрицать любые предположения, что моя поездка на Старую Землю имела какую-либо официальную санкцию правительства Звездной Империи и была чем-то другим, кроме выражения моей давней приверженности и руководящей роли в борьбе с генетическим рабством."

О'Ханрахан рассмеялась. Во всяком случае, попыталась. Это больше походило на карканье.

"Вы видели мой текст," - сказала она, и Монтень усмехнулась.

"Да, конечно. Я читаю или смотрю все ваше, что попадаете мне на глаза. Как всегда, ваша логика безупречна. Все неверно, заметьте. Но безупречно."

"В самом деле?" О'Ханрахан какое-то время изучала ее. Потом...

"Дайте мне прямой ответ," - резко сказала она. "Мантикора сделала это?"

"Откуда мне знать?" Монтень развела руками. "Я не состою в правительстве Грантвилля, я не военный, и меня там не было, когда это произошло. Однако я считаю, что это обвинение смехотворно. По некоторому количеству причин. Во-первых, Мантикора не знала подобных жестокостей. Ни одна из ее администраций, даже эта свинья Высокий Хребет, никогда не делала ничего подобного. Как и Мишель Хенке, а я знаю ее лично с четырех лет, во-вторых. В-третьих, не было причин для этого. В-четвертых, весь ее штаб и все командиры ее кораблей должны были бы подчиниться приказу, а все ее подчиненные во всем флоте после этого должны были бы держать язык за зубами. Что просто невозможно. Офицеры Мантикоры обучены отказываться от незаконных приказов. По крайней мере, кто-то один из них сдал бы ее. В-пятых, ей пришлось бы убедить своих подчиненных-хевенитов принять участие, а даже Народная Республика Хевен никогда не проводила подобных ударов. Она делала довольно ужасные вещи, но орбитальные удары по сдавшимся планетам не входили в их число. В-шестых..."

Она остановилась.

"Я могла бы продолжать и продолжать. Но последняя причина самая простая. Мой партнер Антон Зилвицкий - самый проникательный разведчик во всей галактике, и он сказал мне, что мы этого не делали. Для меня этого достаточно, не говоря уже обо всем остальном."

"Так вы согласны с теорией Большого Альянса о том, что за это ответственно Согласие, о котором они говорят."

"Откуда мне знать?" Монтень снова развела руками. "Я не разведчик. Что я действительно знаю, так это то, что мой партнер - я восхищаюсь его талантами в этой области - и его друг Виктор Каша, вероятно второй самый проникательный разведчик в галактике, были теми, кто первыми придумали эту теорию. Так что да. Я принимаю их мнение."

"Но даже если вы предполагаете, что такое Согласие существует, зачем им это делать? Я имею в виду все, а не только "Мезанскую резню". О'Ханрахан махнула рукой. "Согласно герцогине Харрингтон и Большому Альянсу, Согласие также стояло за Ударом Явата и Ударом Беовульфа, и я не вижу никакого логического мотива для этого. Во всяком случае, не для того, что случилось в Беовульфе."

Это было совершенной правдой, и это до сих пор ее расстраивало. Военная цель Удара Явата была достаточно ясна, и анализ Ганнона мог объяснить взрывы на Мезе, но никто не объяснил, что произошло в Беовульфе. Не было особых сомнений в том, что за этим стояло Согласие, но зачем оно это сделало? Что, в отсутствие какой-либо убедительной военной цели, могло оправдать хладнокровное и преднамеренное убийство стольких миллионов людей?

"Почему это должно быть логично?" - спросила Монтень. "Кем бы ни было Согласие,

единственное, что о них можно сказать наверняка - это то, что они злые ублюдки. Вероятно, они просто разозлились, что Мишель расстроила их планы на Мезе и решили убить сорок с лишним миллионов человек, чтобы отомстить ей."

"Но... "

О'Ханрахан замолчала. Она не согласилась с выводом Монтень о причине происшедшего - просто не могла - но ей внезапно пришло в голову, что возможно есть способ решить проблему. Истинная опасность для Согласия заключалась не в обвинении в том, что оно состоит из жестоких дикарей. Это была возможность того, что другие, например Чарльз Ганнон, догадаются, что они скрылись, и использовали "Мезанскую резню", чтобы замести следы. Но если бы она начала - поначалу очень осторожно - выдвигать идею о том, что нечто, напоминающее "Согласие", о котором говорил Большой Альянс, действительно существует, и на самом деле это стая монстров - типа психопатов, способных на такую массовую бойню...

Стоило подумать об этом.

Но не сейчас.

К счастью, ей не пришлось придумывать, как заставить Монтень уйти. Мантикорка уже направлялась к двери.

"Отдыхайте," - сказала она. "Продолжайте вашу большую работу."

* * *

Майкл Андерле посетил ее через два дня.

Она была удивлена, увидев его в антигравитационном кресле. Не потому, что его травмы не давали оснований для этого, а потому что ей было интересно, где они нашли кресло, достаточно большое, чтобы поместить его.

Он увидел ее недоумение, улыбнулся и похлопал по подлокотнику.

"Это мое. Несколько лет назад я его специально сделал. Это не первый раз, когда меня подстрелили."

Он сложил руки на коленях и торжественно посмотрел на нее.

"Мне жаль, что я не смог остановить все это. Если честно, меня застали врасплох."

"Смогли бы вы остановить это, если бы вас не застали врасплох?"

"Возможно, нет. Люди, которые начинают стрельбу, всегда имеют преимущество. Но я думаю, что, по крайней мере, я мог бы уменьшить ваши раны."

Она покачала головой.

"Я не теряю из-за этого сон. Что сделано, то сделано, и было бы намного хуже, если бы не вы. Не думайте, что я неблагодарная."

Он кивнул. Затем легкая улыбка, которую можно было бы назвать немного лукавой, мелькнула на его лице.

"Кстати, в этом кресле мне нравится то, что оно достаточно велико, чтобы можно было возить с собой действительно хорошее оборудование для защиты от слежки," - сказал он ей.

"Насколько хорошее?"

"Ну, чертовски хорошее, на самом деле."

"В таком случае, - она посмотрела ему в глаза, - как насчет того, чтобы нам больше этого не делать?"

Улыбка Андерле стала шире, и теперь она определенно была лукавой.

"Я сказал им, что вы поймете." Он покачал головой. "И не потеряете сон из-за этого. Некоторые вещи делают только один раз, потому что они сработают только один раз."

"Окей." Настала ее очередь кивнуть.

"И вы не злитесь?"

"Ну, сейчас я не чувствую благодарности. Но... нет. Мы в порядке."

Башня Алексии Габон

Город Мендель

Планета Меза

Система Меза

Кайла Барретт понятия не имела, кем могла быть Алексия Габон, хотя подозревала, что Габон была одной из исторических героинь Антирабовладельческой Лиги, учитывая, что башня Коллина МакЛеода, бывшая штаб-квартира Управления Внутренней Безопасности, была переименована в ее честь. Это послужило топливом для нескольких нервных потрясений, пока она поднималась в лифте на верхний этаж башни. Но первое, что она заметила, когда ее провели в кабинет вновь назначенного директора недавно созданной Мезанских Объединённых Полицейских Сил, было очень удобное расположение двух кресел и дивана в углу просторной комнаты.

Мужчина, сидевший в одном из кресел, поднялся, когда она вошла, и указал на два других предмета мебели.

"Пожалуйста," - сказал он. "Садитесь, где хотите, сержант Барретт."

Она почувствовала, как напряжение в ее плечах немного ослабло. По расстановке сидений - они стояли не так, как если бы ее собирались допрашивать - и использованию звания она поняла, что человек, который вызвал ее сюда, пытался ее успокоить. Разумеется, звание было не более, чем вежливой выдумкой, учитывая, что ее предыдущей службой было Управление Внутренней Безопасности Мезы, которому когда-то принадлежала Башня Коллина МакЛеода. И которое недавно было разогнано.

Можно сказать, разогнано с крайним предубеждением.

Она захромала через офис. Она больше не нуждалась в костылях, несмотря на то, что была одной из тех несчастных, которые плохо реагировали на регенерирующую терапию, но трость

все же пригодилась. Ей потребовалось время, чтобы добраться туда, затем она устроилась в кресле. Они мгновение смотрели друг на друга, и она воспользовалась моментом, чтобы изучить мужчину.

Этим мужчиной был известный Сабуро Лара, бывший Сабуро Экс - один из главных помощников Джереми Экса. Для кого-то вроде Барретт это было немного похоже на встречу с сатаной для человека иудейско-христианского вероисповедания.

Ну... во всяком случае, на встречу с Вельзевулом или Молохом. Самим сатаной был Джереми Экс.

Она не могла сказать, что он оказался не тем, чего она ожидала, потому что понятия не имела, чего ожидать. Она не была бы полностью удивлена, обнаружив, что у директора Сабуро раздвоенные копыта, рога и хвост.

Но...

Ничего не было. Насчет рогов она была уверена, потому что его волосы были коротко острижены, и их было негде спрятать. Она была почти так же уверена в ногах, потому что могла видеть его туфли и не думала, что какие-то копыта могли в них поместиться. Хвост... возможно, но она не думала, что это вероятно.

Во-первых, потому что он, казалось, сидел в кресле совершенно непринужденно, что, по ее мнению, было бы неудобно для человека с хвостом. В основном, однако, это было потому, что он просто не был похож на дьявола. И не вел себя как дьявол.

Он был выше ее, примерно на восемь сантиметров. Учитывая, что ее рост был всего сто семьдесят сантиметров, это делало его немного ниже среднего мужчины. То есть среднего полноправного гражданина Мезы мужского пола. Рабы - бывшие рабы - сильно различались по росту и весу.

Он не был приземистым, и она подозревала, что под свободной одеждой, которую он предпочитал, было много мускулов. Он неплохо выглядел бы в новой форме МОПС, потому что зеленый цвет подходил к его глазам и хорошо сочетался с его почти бронзовым цветом кожи.

Она подумала, почему на нем нет этой формы. Было ли ее отсутствие заявлением с его стороны? Она почувствовала, что расслабляется еще больше. Возможно, Сабуро на самом деле намеревался управлять МОПС как полицейским агентством, а не военизированной организацией, такой как УВБМ.

"Как дела?" - спросил он, кивая на ее правую ногу.

"Вполне хорошо." Она посмотрела на поддерживающую скобу, которая раздувала ее штанину. "Во всяком случае, врачи, похоже, довольны прогрессом. Но я не могу сказать, что регенерация доставляла мне много удовольствия. А физиотерапия немногим лучше."

"В свое время у меня было так же," - сказал он ей, кивнув, а затем склонил голову. "А кошмары? Они все еще у вас есть?"

"Что... ?" Она смотрела на него с удивлением. "Откуда вы об этом узнали?" - спросила она.

"Мне разрешено проверять людей в определенных пределах, и один из этих пределов - не вникать в их личную жизнь, получая основную информацию об их психическом состоянии. Это

было ослепляюще очевидно даже из того небольшого, что ваш терапевт хотел сказать мне, говоря, что у вас тяжелый случай посттравматического стрессового расстройства. У меня было ощущение, что хотя она не решилась прямо сказать это, она тоже разочарована в вас. В наши дни ПТСР поддается лечению."

Он откинулся назад и положил сцепленные руки себе на грудь, а она почти зло взглянула на него.

"Я знаю, потому что сам нуждался в лечении," - сказал он ей. "Я не получал его годами из-за... скажем странствующего образа жизни. Так что я не могу сказать вам, сколько раз у меня были эти воспоминания - эти кошмары."

Выражение его лица оставалось спокойным, но казалось, стало намного холоднее.

"Человек, которого я убил, заслужил это. Он был одним из руководителей Рабсилы, который занимался тем, что они называли "поведением рабов". Я уверен, что вы знакомы с тем, что означает этот термин?"

Он удержал ее взгляд, его собственные глаза все еще были спокойными, но непреклонными, пока она не кивнула. Она действительно знала, что разница между тем, что делал кто-то вроде этого человека, и пытками была... на самом деле совершенно несуществующей. Он посмотрел на нее еще мгновение, затем глубоко вздохнул и в свою очередь кивнул.

"Я ворвался в его квартиру и застрелил этот кусок дерьма в его собственной постели," - продолжил он. "Я не ранил его жену - она лежала рядом с ним - потому что она не была ни к чему причастна. Хотя меня совершенно не беспокоило то, что я слышал ее крики. Я могу вам это сказать. Это было музыкой для моих ушей, правда. Но когда я повернулся, чтобы уйти, в дверях увидел стоящую маленькую девочку."

Он еще раз глубоко вздохнул.

"Думаю, ей было... пять Т-лет. Выражение ее лица, смотрящего на меня..."

Следующий вздох был еще глубже.

"Скажем так, оно закрепилось в моей памяти, как будто его зацементировали. Понятия не имею, сколько раз я потом видел это лицо. Бодрствуешь, спишь - это может прийти в любой момент. Обычно это сопровождается потом и учащенным сердцебиением."

Он разжал руки и опустил их обратно на подлокотники кресла.

"Итак, сержант, что с вашей памятью?"

Она начала рычать, что это не его чертовое дело. Но...

Что-то в сухом выражении этого бронзового лица ее успокоило. Мудрость объяснения одному из полудюжины самых известных убийц Одюбон Баллрум, что причиной тяжелого ПТСР у нее было то, что она убила женщину-сесси после того, как увидела, как ее товарищ-мисти жестоко расправился с кучей детей-сесси, была... сомнительной.

Но...

Она мысленно пожала плечами. Кто-то с его опытом может рассердиться, но не будет

шокирован.

"Это случилось во время штурма башни Хэнкок," - сказала она. "До того, как ублюдки-сесси... э-э, оппозиция обрушила на нас этаж, у нас уже было много раненых. А потом мы наткнулись на дюжину школьников, которые прятались в гараже вместе с парой учительниц." Она глубоко вздохнула. "Я была старшим сержантом. Я приказала им выйти - что они и сделали - а затем... Затем пара моих солдат открыла по ним огонь. Они использовали..."

Ее лицо застыло.

"Нейродизрапторы?" - спросил он, и она кивнула. Он тоже кивнул. "Чего ждать от мисти. Во всяком случае, от многих." Он пристально посмотрел на нее. "А вы использовали дизраптор?"

"Нет." Она покачала головой. "Мне никогда не нравились эти проклятые штуки. И я никого из детей не убивала. На самом деле, я пыталась это остановить. Но..."

"Но все произошло за секунды."

"Да. Не больше нескольких. Но казалось, что это длилось вечно."

"Всегда так с дизрапторами. Убийство совсем не занимает времени, но смерть длится намного дольше."

Она молчала. Его взгляд не отрывался от нее, и, возможно, дюжина секунд превращалась в вечность.

"Есть что-то, о чем вы мне не рассказали," - сказал он затем.

Она сидела молча еще некоторое время, затем закрыла глаза.

"Одна из учительниц была еще жива. Стояла на коленях прямо передо мной - слишком близко, чтобы солдаты могли применить к ней дизрапторы. Она смотрела на меня..."

Ее глаза открылись, встретив его взгляд почти умоляюще, но дальше она не могла пойти. Буквально не могла.

"И вы застрелили ее," - тихо сказал Сабуро. "Убили ее."

Кайла кивнула. Его лицо расплылось, когда слезы навернулись на ее глаза, и в тысячный раз - кто знает, в который раз на самом деле? - она снова увидела то, другое лицо. Лицо, которое она была почти уверена, будет последним, что она увидит в последние секунды в день своей смерти.

Сабуро встал. Он подошел к своему столу, затем вернулся и протянул ей салфетку, прежде чем сесть на свое место.

"Вам нужно обратиться к специалисту," - сказал он. "Могу порекомендовать нескольких. Кстати, это не совет. Это приказ. Мне не нужен помощник, который периодически становится инвалидом из-за ПТСР."

"Помощник?" Она смотрела на дальнюю стену, но теперь ее глаза устали на него.

"Да, помощник. Вот почему я вызвал вас сюда." Он слегка наклонил голову. "Разве вы не думали об этом?"

"Иногда." Она слегка пожала плечами. "Но мне все равно, так или иначе. Потому что..." - она снова пожала плечами.

"Кажется, ничто так или иначе для вас не имеет большого значения."

"Нет. Больше не имеет."

"Ну, это должно прекратиться." Он наклонился вперед, упираясь локтями в колени и сцепив пальцы вместе. "У нас впереди очень тяжелая работа, бывшая сержант Барретт. Мы должны создать полицейские силы Мезы, к которым большинство граждан могло бы относиться с разумной долей доверия и уверенности. В том числе бывшие полноправные граждане. Для этого мне нужно, чтобы хотя бы один из моих старших подчиненных был в прошлом полноправным гражданином - и бывшим мисти. В идеале, бывший унтер-офицер. Кого-то, кто обладал властью, но не был слишком заметным."

Он расцепил пальцы, откинулся на спинку кресла и широко улыбнулся.

"Вы подходите почти идеально - и вас очень рекомендуют. В некотором роде неохотно, но этого следовало ожидать."

"Рекомендуют?" Она нахмурилась. "Кто?"

"Люди, которые захватили вас. Кто еще? Они довольно хорошо вас разглядели, пока вы были в плену. И генерал Палэйн тоже сказала хорошие слова." На этот раз его улыбка была довольно тонкой. "Я бы не назвал их добрыми словами, но она не склонна говорить их ни о ком. Они все-таки были хорошими. Фактически, она первая вас порекомендовала."

Кайла пыталась осмыслить идею того, что генерал Танди Палэйн ее рекомендовала. Ее разум отказывал, конечности беспомощно дрожали. Это было похоже на попытку представить себе древнего динозавра - хищника, а не травоядного - делающего что-либо, кроме пожирания всего вокруг.

Палэйн была самым устрашающим человеком, которого Кайла когда-либо встречала. Она ни разу не повысила голос в присутствии Кайлы, не делала никаких угрожающих жестов, взглядов - ничего. Но Кайла и представить себе не могла, что тираннозавр рекс когда-либо на кого-то смотрел иначе. Зачем беспокоиться - когда у тебя есть клыки тридцати сантиметров и сила укуса, которая парализовала бы крокодила Старой Земли?

"Так что вы скажете?" - спросил Сабуро.

Кайла обнаружила, что ей трудно осмыслить всю ситуацию. Она - работает на Сабуро Экса?

Отлично. Сабуро Лара. Большая разница. Как она могла объяснить это...

Она задумалась. Семье? У нее не было никого, кроме нескольких кузенов, которых она едва знала. И матери, которую она не видела много лет. Единственные, с кем она все еще была близка, были ее брат, сестра и их дети. Но все они погибли в результате теракта в парке Голубой лагуны.

Что-то щелкнуло в ее мозгу.

"Я соглашусь, если вы поручите мне расследовать то, что произошло в парке Голубой лагуны," - решительно сказала она.

Вот. Это должно положить конец всему делу. Но Сабуро снова удивил ее.

"Я и сам думал об этом," - сказал он. "И не только в Голубой лагуне. Я хочу, чтобы вы участвовали в расследовании всех терактов, начиная с Грин Пайнс и заканчивая волной ядерных взрывов после освобождения."

Она подумала о том, чтобы оспорить термин "освобождение", но эта мысль исчезла почти сразу, как возникла. Во-первых, это был спорный вопрос. Во-вторых, она прекрасно понимала, как кто-то вроде Сабуро видит это таким образом. В некотором смысле она начинала с себя.

"Почему?" - спросила она вместо этого.

"В этом вся суть. Особенно в краткосрочной перспективе. Послушайте, мы оба знаем о моем прошлом в Баллрум. Из-за этого я знаю, что Баллрум не участвовал в этом. Но вы этого не знаете, и большой процент населения Мезы никогда не примет никаких объяснений этих убийств, как работу кого-то, кроме Баллрум и Большого Альянса - если только у них нет оснований полагать, что расследование не было пристрастным. И нет лучшего способа доказать это, чем иметь офицера МОПС прямо в центре расследования, который был..."

"... во-первых, - он поднял большой палец, - полноправным гражданином, когда это случилось."

"... во-вторых, - указательный палец присоединился к большому, - бывшим сержантом УВБМ."

"... в-третьих, - поднялся средний палец, - потерял большинство родственников в одном из убийств."

Он опустил руку.

"И прежде, чем вы спросите меня, как вы можете быть уверены, что я не буду препятствовать вашему расследованию, ответ таков: не можете - сейчас. Но к тому времени, когда вы закончите, вы сможете быть уверены в этом. В этом вас невозможно обмануть."

В этом он был прав. Это окончательно решило для нее проблему. Она хотела узнать, кто убил ее семью. И если это требовало ужина с дьяволом, пусть будет так.

"Хорошо," - сказала она. "При одном условии."

"Каком?"

"Если нам когда-нибудь случится есть вместе, не жалуйтесь, если я потребую длинную ложку. Очень длинную ложку."

"Идет. Хотя, - он усмехнулся, - я не уверен, что кто-то делает сверхдлинные ложки."

"Если придется, я сделаю ее специально. Так когда мне начинать?"

"Прямо сейчас, лейтенант Барретт." Он встал и протянул руку, чтобы помочь ей встать с кресла, но она проигнорировала это. Возможно, это было грубо, но она выглядела бы глупо, если бы приняла руку помощи от дьявола сразу после того, как настояла на ужине с длинной ложкой в его присутствии.

Она достаточно хорошо справилась сама. Судя по легкой улыбке на лице Сабуро, он не обиделся.

У нее было ощущение, что очень небольшое может обидеть или рассердить ее нового начальника. У нее также было ощущение, что Сабуро Лара окажется очень хорошим начальником. Может быть лучшим, что у нее когда-либо был. Это было самое тревожное чувство, которое она испытывала с тех пор, как вошла в комнату.

"Мне нужна форма?" - спросила она, опираясь на трость.

"Да, довольно скоро. Но не сегодня. Сегодня мы собираемся нанести весьма неофициальный визит некоторым людям, чьи дела будут... пересекаться с нашими. Гражданской одежды будет достаточно."

"Каким людям?" - спросила она.

"Увидите."

Башня Новый Росток,

Город Мендель,

Планета Меза,

Система Меза.

"Проклятие. Это похоже на дом. Даже лучше, в некоторых смыслах! Башня Енкатешвара на самом деле не была предназначена для того, чтобы сбивать с толку людей и заставлять их блуждать. Просто так казалось из-за беспорядка повсюду. Но это!" Дауд ибн Мамун аль-Фанудахи кивнул на дверь, через которую они только что вошли в комнату в башне Новый Росток. "Это действительно заставляет меня чувствовать себя как дома!"

"Не обращайтесь на него внимания," - сказала Нацуко Окику. Подполковник направилась к большому, очень современному столу для переговоров в центре комнаты. "У него есть бзик быть невидимым для бюрократов и флаг-офицеров."

"Это не бзик." Виктор Каша покачал головой. "Это просто здравый смысл."

"Имеет значение, где сесть?" - спросила Окику.

"Нет," - сказал Антон Зилвицкий. Сам он обходил стол. "Просто дай мне занять место в этом конце, - он указал на дальний конец, - потому что там находится главный пульт управления."

Каша сидел на том же конце стола, по длинной стороне слева от Зилвицкого. Арианна МакБрайд села напротив него. Ирэн Тигу села рядом с ней, а аль-Фанудахи занял место с противоположной стороны. Майор Тарковский занял место в дальнем конце, лицом к Антону, хотя по длинным сторонам стола еще оставались свободные места. Характер морпеха автоматически тянул его к дальнему концу столов на совещаниях.

"Позвольте мне начать с того, что эта встреча совершенно неформальная и неофициальная." Зилвицкий махнул рукой окружающим. "Кстати, этого помещения тоже официально не существует. На схеме башни оно изображено в виде бельевого шкафа, - он указал через плечо Тарковского, - примерно в пятнадцати метрах отсюда."

"Вау," - пробормотал аль-Фанудахи, моментально повеселевший.

"Наконец, - продолжил Зилвицкий, - в этой комнате установлено самое современное

оборудование для подавления наблюдения. Выбрал и установил сам. Никто за этой дверью, - он указал на единственную дверь комнаты, - не услышит, что мы здесь говорим. Никто, в том числе и присутствующие, не сможет вести какие-либо записи."

"Почему такая секретность?" Арианна нахмурилась. "Я думала, вы хотите, чтобы протоколы этого расследования были доступны общественности."

"В конце концов будут," - сказал Каша. "По крайней мере, результаты - и это будут честные результаты. Мы не собираемся делать фальшивки. Но мы также должны иметь возможность разговаривать друг с другом с полной откровенностью, а это нельзя сделать, если знаешь, что все, что говоришь, записывается для потомков."

"Он прав, миз МакБрайд," - сказала Окику. "По крайней мере, необходимо сохранить конфиденциальность источников и методов. Фактически..."

"Фактически, - прервал ее Тарковский, - если бы я не был уверен, что это так, я бы встал и ушел прямо сейчас."

Арианна все еще выглядела неуверенно, но кивнула в знак согласия.

"Так когда мы начинаем?" - спросила Тигу.

"Мы начинаем..." Зилвицкий замолчал, когда в дверном проеме раздался звонок.

"Что за черт?" - пробормотал он, затем бросил на Каша обвиняющий взгляд, когда тот поднялся на ноги.

"Я не был уверен, что он появится. Но да. Я его пригласил."

К тому времени, когда Каша закончил фразу, он был уже у двери и открыл ее.

"Входите, директор," - сказал он, отступив в сторону, когда Сабуро Лара вошел в комнату. "А это Кайла Барретт," - добавил он, когда женщина последовала за Сабуро. "Бывшая сержант Управления Внутренней Безопасности Мезы."

"А теперь лейтенант Мезанских Объединённых Полицейских Сил," - сказал Сабуро. "Под чьей юрисдикцией, кстати, проходит эта встреча." Он ухмыльнулся. "Неофициально, конечно, но если кто-то узнает, что маловероятно, - он кивнул в сторону Зилвицкого, - учитывая, кто ведет контрнаблюдение, она - ваше прикрытие. Если все раскроется, можете винить меня."

Говоря это, он прошел вокруг стола к пустому стулу с противоположной стороны, затем вытащил его и сел. Двигаясь медленнее из-за своей трости, Барретт села напротив него.

"В таком случае я предлагаю вам председательствовать на этом заседании," - сказал Зилвицкий.

"Раз вы официально за это отвечаете, и все такое," - добавил Каша. Аль-Фанудахи не знал его, поэтому он не мог быть уверен, но выражение его лица было слегка забавным. У Каша были голубые глаза и светлые волосы, и он был необычайно красив - намного красивее, чем можно было ожидать от офицера разведки. Аль-Фанудахи подумал, не связано ли это с биоскульптурой. Обычно этот процесс применялся по-другому к человеку, работающему в этой области, где слишком красивая и привлекательная внешность была явным недостатком.

В любом случае внешность хевенита предполагала явное тщеславие, что, казалось, противоречило его репутации.

Сабуро посмотрел на Каша и пожал плечами.

"Полагаю, вы правы. Очень хорошо. Надо все делать по порядку. Теперь, когда все готово, Антон, тебе слово."

"Я думаю, мы должны сначала выслушать всех, у кого есть теория о том, кто несет ответственность за массовые убийства на Мезе, начиная с инцидента в Грин Пайнс, а также об их мотивах." Зилвицкий кивнул в сторону Каша. "У нас с Виктором есть одна. Есть у кого-нибудь еще?"

Он оглядел стол, его взгляд на мгновение останавливался на каждом из людей, прибывших со Старой Земли.

"Я не знаю, мог бы я пойти так далеко, чтобы называть то, что мы обдумываем, "теорией", - сказал аль-Фанудахи, - поскольку в наших выводах пока нет ничего определенного. Так почему бы нам не начать с вашей?"

"Хорошо." Зилвицкий кивнул. "Мы с Виктором думаем, что за всем этим стоит то, что началось шесть Т-веков назад - почти восемь, если вернуться к первопричинам. Потому что в основе всего этого - позиция Кодекса Беовульфа в отношении генетического улучшения человечества, и эта позиция выросла из Последней войны Старой Земли. Много чего вышло из Последней войны, но эта... проблема, в частности, выросла из чего-то более позднего: спора между Леонардом Детвейлером и медицинским истеблишментом Беовульфа по поводу манипуляций с геномом человека. Истеблишмент назвал это "манипуляцией", сам Детвейлер использовал термин "улучшение", и их разногласия были серьезными и острыми.

Истеблишмент был настроен сохранить запреты, введенные Кодексом Беовульфа. Детвейлер считал, что Последняя война кончилась - и была основана Лига - почти за двести стандартных лет до его рождения, и в сложившихся обстоятельствах пришло время... пересмотреть эти запреты. Высшие слои не соглашались, и спор становился все более публичным и все более ожесточенным. Когда решить эту проблему не удалось, Детвейлер и его сторонники покинули Беовульф и поселились на Мезе.

Детвейлер очень четко изложил свои взгляды и намерения в то время, и поскольку он это сделал, я думаю, что могу с уверенностью сказать, что он не одобрил бы направление генетической науки и инженерии на Мезе, после его смерти. Но в то время как люди, которые первоначально заселили Мезу, обладали большими финансовыми ресурсами и большой научной проницательностью, им не хватало рабочей силы. Поэтому Детвейлер основал компанию Рабсила, чтобы производить клонированных колонистов и обеспечивать необходимую рабочую силу.

Еще до переезда на Мезу он участвовал в "улучшении" колонистов для враждебной среды. Это было стандартной практикой до Последней войны. После войны и после того, как истинный ужас от некоторых генетически модифицированных суперсолдат успел появиться, даже такая форма "улучшения" была предана анафеме. Очевидно, что было много существующих пакетов модификаций, которые были унаследованы, но какое-то время новые не разрабатывались.

Детвейлер думал, что это даже глупее, чем большинство опасений истеблишмента. Фактически, он бросил вызов общему предубеждению против этой практики, предоставляя такого рода усовершенствования - что не было совершенно незаконным - еще до того, как

покинул Беовульф. Так что в дополнение к клонированию рабочих для использования на Мезе, он продолжал предлагать улучшения для колоний с враждебной средой. Фактически, в течение следующего примерно Т-века Меза была единственным местом в галактике, где эта возможность поддерживалась и предлагалась, и истеблишмент Беовульфа был недоволен этим. Фактически, есть немало свидетельств того, что одной из причин, по которой Детвейлер и первоначальная версия Рабсилы были так агрессивны в маркетинге своих услуг, была его горечь по поводу отказа Беовульфа. Для него это был способ ткнуть пальцем в глаз истеблишменту, одновременно оказывая услугу, в которой, честно говоря, галактика в значительной степени нуждалась.

Но на Мезе клоны - которые, в конце концов, были созданы специально для обеспечения рабочей силы - считались наемными слугами. Это тоже было нарушением Кодекса Беовульфа, причем гораздо более серьезным. Согласно Кодексу клоны ничем не отличаются от любого другого человека в глазах закона. У них точно те же юридические права, и Кодекс прямо запрещает их дискриминацию. Для этого есть несколько причин, но самая важная из них заключается в том, что, поскольку ни один клон никогда не просил родиться, аморально и незаконно заставлять их выплачивать долг, который они никогда не брали на себя.

Меза смотрела на вещи по-другому, и опять же я подозреваю, что это Детвейлер показал кукиш истеблишменту Беовульфа. Я говорю это потому, что при жизни он был явно уверен, что клоны Мезы не будут рабами. Ожидалось, что со временем они обретут свободу и станут гражданами Мезы, что почти все они и сделали во времена Детвейлера. Вначале они не считались гражданами второго сорта.

Но интересы некоторых других, особенно крупных корпораций, которые действительно начали набирать обороты примерно через столетие после создания Лиги, которая в то время представлялась больше как торговый союз, чем истинное центральное правительство, больше беспокоились о прибыли и меньше беспокоились о каких-либо мелких моральных проблемах. Они тоже считали колонистов, которых Детвейлер и Рабсила предоставили им, "наемными слугами" - официально. На самом деле, однако, постоянно увеличивающееся число из них не собиралось позволять своим "слугам" - или детям их слуг - зарабатывать или покупать свою свободу."

Его глубокий рокошущий голос на мгновение остановился, и он покачал головой с мрачным выражением лица.

"Так началось генетическое рабство. Изменения, которые привели к сокращению продолжительности жизни, развитию специализированных типов, таких как рабы для удовольствий, представление о том, что они каким-то образом не вполне люди - ничего этого не было, пока Детвейлер был еще жив и руководил. Но даже если это не то, что он когда-либо имел в виду, он и его сторонники были теми, кто позволил чудовищному раку, пережевать и выплюнуть столько миллионов - миллиардов, даже триллионов - жизней на протяжении Т-столетий.

А после его смерти все стало довольно быстро меняться. В этот момент история становится более туманной, но, похоже, между наследниками Детвейлера произошла ссора, и те, кто вышел на первое место, начали напрямую двигать Рабсилу к тому, чем она в конечном итоге стала. И по мере того, как Рабсила все глубже погружалась в постель с теми корпорациями, которые верили в рабство, Меза стала убежищем для межзвездных корпораций. Которое было особенно привлекательно для корпораций, больше всего пораженных коррупцией, как движущей силой прибыли. В течение следующих примерно ста Т-лет генетическое рабство превратилось в полномасштабный институт, охватывающий всю галактику - даже если

"соответствующие люди" осудили его - и Меза стала самой разветвленной штаб-квартирой в галактике для коррумпированных корпораций. Не поймите меня неправильно. Существуют и другие звездные системы и даже звездные нации, которые фактически являются собственностью компаний. На ум приходит, например, Технодайн на Йилдуне. Но Меза предложила... интерфейс, где коррупция всегда могла найти другую коррупцию, когда это было нужно."

Он остановился и посмотрел на Арианну МакБрайд.

"Это справедливое обобщение?" - спросил он, и она кивнула.

"Да. Но... "

"Дайте мне минутку," - прервал он, подняв руку, и повернулся к другим людям за столом.

"Это развитие не осталось незамеченным," - сказал он им. "Значительное число граждан Мезы - в частности, потомки наследников Детвейлера, поставивших не на ту карту - возражали против деятельности Рабсилы, а также против ряда направлений политики корпоративного правительства Мезы. Когда их протесты были проигнорированы, они основали организацию под названием Согласие, которая занималась генетическим улучшением, да - но все это делалось в рамках ограничений закона и на чисто добровольной основе. Они специально призвали объявить генетическое рабство Рабсилы незаконным."

Он снова посмотрел на Арианну. Она немного выпрямилась на стуле и кивнула.

"Окей. Я просто хотела, чтобы это было включено."

"Но к тому моменту, - продолжил Зилвицкий, - корпорации, которые теперь эффективно контролировали Мезу, были слишком сильны, чтобы их сместить. И у них не было никаких проблем с деятельностью Рабсилы. Во-первых, потому что даже в те времена некоторые из них почти наверняка принадлежали Рабсиле. Конечно, через разного рода прокладки, чтобы отношений не было видно."

"Джессик," - проворчал Тарковский.

"Джессик почти наверняка," - согласился Зилвицкий. "Однако были и другие, Рабсила имела финансовый интерес даже в большинстве тех, которыми не владела. Это были кровосмесительные отношения, и практически все корпорации Мезы - и немало корпораций, официально размещенных в других звездных системах - постоянно сотрудничали."

"Учитывая это, не прошло много времени, прежде чем на Согласие оказали сильное политическое и иное давление. Те из ее членов и сторонников, которые были известны властям, обычно не арестовывались, хотя некоторых по надуманным обвинениям, которые официально не имели никакого отношения к их членству, арестовали. Однако по большей части наказания были экономическими. Карьеры стопорились, контракты аннулировались, людей переводили на менее престижные или низкооплачиваемые должности, академические назначения откладывались или вообще отменялись. Младшие члены семей Согласия обнаруживали, что их заявки отклонены элитными университетами. Что-то в этом роде."

"Но мы не бросили борьбу," - сказала Арианна.

"Да, некоторые из вас не бросили. Произошло то, что Согласие превратилось в полуподпольную организацию. Репрессии никогда не были слишком суровыми, чтобы привести

их в состояние полной секретности, с системой ячеек и другими мерами безопасности, которые требуют полностью подпольные организации. Но самое позднее четыреста Т-лет назад Согласие стало почти невидимым для большинства жителей Мезы."

Он снова остановился и положил руки на стол.

"И где-то в этом процессе - где-то от пятисот до четырехсот Т-лет назад - в рамках Согласия сформировалась новая организация. Подобный процесс происходил много раз в истории. Диссидентская группа внутри реформистской политической организации - которой было первоначальное Согласие, и большинство ее членов продолжают оставаться сегодня - разочаровывается и недовольна медленными темпами прогресса. В данном случае никакого прогресса не было вообще, потому что даже после того, как Последняя Война отступила в историческое зеркало заднего вида человечества и запрет на улучшение колонистов для враждебной среды исчез, Кодекс Беовульфа, принятый и соблюдавшийся - по крайней мере, официально - практически всеми звездными системами, населенными людьми, продолжал запрещать целенаправленную модификацию генома человека с конкретной целью генетического "улучшения". Фактически, он действует и сегодня.

Я не думаю, что кто-то из нас сейчас заинтересован в том, чтобы разбираться во всех причинах этого, но с точки зрения людей, которых я знаю лучше всего в медицинском истеблишменте Беовульфа, даже сегодня главной заботой являются права человека... и эта озабоченность усугубляется генетическим рабством. Предрассудки - иногда ненависть, если честно, - против генетических рабов - это именно то, чего они боятся в обществе, которое намеренно генетически стратифицировано. Они боятся, что если человеческая раса... разделится на несколько генетических типов, геномы которых можно будет четко и с научной точки зрения отличить друг от друга, в конечном итоге появится качественное суждение о том, какие из них "высшие", а какие "низшие". И в процессе этого страх перед "другим", который лежит в основе всех уродливых человеческих предрассудков, равно как и против генетических рабов, вновь утвердится.

Честно говоря, я не знаю, обоснован ли этот страх. Однако он существует сегодня, и определенно существовал тогда. И потому что это произошло, и из-за высокого морального авторитета Беовульфа в генетических вопросах, даже после двухсот стандартных лет - десяти поколений в галактике до пролонгации - стремление Согласия улучшить генетическое наследие человечества все еще было заблокировано. Все еще фактически объявлено вне закона. Все еще члены Согласия могли работать только тайно. И вдобавок к отсутствию прогресса на фронте реформ, что было основной мотивацией Согласия, была корпоративная проституция Мезы.

Так что происходит, когда группа реформаторов явно не добивается прогресса или, в лучшем случае, прогресс идет со скоростью ледника?" Зилвицкий пожал плечами. "Самые нетерпеливые начинают искать более эффективные средства для достижения своей цели. Обычно это означает, что они отказываются от всякой надежды на эволюционные изменения и создают революционную организацию. Которая готова и желает использовать насилие для достижения своих целей.

Необычным в этой организации, которая также называлась "Согласие" - то, что оно никогда не отделялось от реформистской организации, породившей его. Вместо этого лидеры нового революционного Согласия решили остаться в рамках первоначального Согласия. Это было сделано по двум причинам. Во-первых, это было лучшее место, чтобы спрятаться от властей Мезы. А во-вторых, более широкое, реформистское Согласие, в рамках которого оно действовало, обеспечило революционеров большей частью его новобранцев."

Он посмотрел на Арианну.

"Вот так завербовали ваших братьев," - сказал он. Она посмотрела на него, ее лицо застыло, но она ничего не сказала.

"Пока, - продолжил Зилвицкий для остальной части группы, - в этой истории нет ничего, что могло бы объяснить жестокость того, чем стало революционное крыло Согласия. Если бы они следовали тому же образцу, что и другие подобные группы в истории, они могли бы в конце концов преуспеть или, возможно, в конечном итоге были бы разгромлены. Но они не стали бы тем монстром, которым стали."

"Так что случилось?" - спросила Тигу. Она была явно очарована рассказом Зилвицкого, но не забыла добавить: "Согласно вашей теории, то есть?"

"Мы все еще работаем над этим, - сказал он ей, - но кажется довольно очевидным, что их соблазнила Рабсила. Они, несомненно, проникли туда. В рядах Согласия - и внутреннего, и внешнего - или злого и доброго, если хотите, - он взглянул на Арианну, лицо которой все еще оставалось застывшим, - было много медиков, особенно генетиков. Некоторые из них были наняты их врагом просто чтобы присматривать за ними, ни для чего больше. Но потом..."

"Конечно!" Аль-Фанудахи ударил по столу. "Как только они были вовлечены в работу, они поняли, насколько она может быть ценна для их собственных долгосрочных целей." Он откинулся на спинку стула и уставился на стену напротив него. Ни на что конкретно, просто сосредоточил свои мысли и продолжил. "И как только они пошли по этому пути, я готов поспорить, что вскоре они увидели способы, которыми они могут манипулировать Рабсилью и связанными с ней корпорациями в политическом плане. Они начали смотреть на корпорации, которых считали врагами, как на инструменты."

"Инструменты для чего?" Окику казалась раздраженной. "Эй, я просто тупоголовый коп в этой комнате. Расскажи попроще, Дауд."

Каша ответил ей еще до аль-Фанудахи.

"Инструменты - мы с Антоном называем их "рычагами" - чтобы вскрыть, а затем разорвать галактическое общество. Никогда не забывайте, что эти люди начинали как идеалисты. У них была цель. Они не просто стремились к власти ради власти. Они хотели улучшить человечество. Плюнуть на слепой, фанатичный, ханжеский, глупый Беовульф и превратить нас из примитивных гоминидов в нечто вроде полубогов и полубогинь. Но чтобы добиться этого, им понадобилось расчистить политический путь - на котором доминировал этот проклятый Беовульф и его союзники - а также накопить необходимые знания и навыки. А в Рабсиле они увидели, как делать и то, и другое одновременно. Никто в галактике не проводил генетических экспериментов так активно - и так безрассудно - как Рабсила. Согласие могло многому научиться, став частью этого. И никто другой в галактике не закладывал основы для разложения Солнечной Лиги так эффективно, как Рабсила и ее закадычные корпорации."

"Да, именно об этом я и думал." Аль-Фанудахи переводил взгляд с Каша на Зилвицкого. "Если я могу подвести итог, то вы предполагаете, что было задействовано три игрока, только один из которых полностью осознавал свою игру. Все знали, что Рабсила и ее союзники - коррумпированные мезанские корпорации, которым было наплевать на все, кроме денег. Затем, скрытое под этой поверхностью, было широкое - внешнее, доброе, как бы вы это ни называли - Согласие, которое стремилось реформировать Кодекс Беовульфа и воспользоваться преимуществами, которые должна была сделать геновая инженерия. Но ни один из них не знал

ни о злом Согласии, ни о том, что оно использовало их обоих в своих целях."

"Именно," - сказал Зилвицкий.

"Можем ли мы вернуться на землю?" - спросил Сабуру. "Как это связано с тем, что мы должны расследовать, а именно с массовыми убийствами, которые начались с Грин Пайнс?"

"Я думаю, это очевидно," - сказал аль-Фанудахи. Он явно продолжал размышлять. "Ну... может быть, не очевидно. Но я думаю, это достаточно ясно. Есть много доказательств, - он оглянулся на своих товарищей, Охотников за Привидениями, - мы сами сталкивались с этим - что кто-то работал за кулисами, сначала чтобы спровоцировать войну между Мантикорой и Хевеном, а затем войну между Солнечной Лигой и Мантикорой. Не зная всего, что вы нам только что рассказали, капитан Зилвицкий, мы не могли понять, кто такие Другие Парни - так мы их называли - и чего они добивались, но мы знали, что они были."

Я не готов - пока что - сказать, что вы попали в точку, но я думаю, что вы определенно строите правдоподобную теорию, чтобы наконец объяснить, какого черта они хотят. И если действительно существовала революционная группа, посвятившая себя достижению своих целей любыми необходимыми средствами, и если этим целям препятствовали из-за того, что Кодекс Беовульфа, как правило, поддерживался всеми остальными при существующем политическом порядке, этот политический порядок следовало изменить. Его нужно было уничтожить бульдозером, и чем более полно это можно было сделать - чем больше хаоса и неразберихи могут создать революционеры - тем меньше у кого-то будет времени беспокоиться о таких вещах, как Кодекс Беовульфа. Вот что они намеревались сделать. Они хотели, чтобы галактика горела, так сказать, но они также хотели, чтобы отвлекающий огонь длился как можно дольше."

На мгновение он нахмурился еще сильнее, затем поморщился и взглянул на Зилвицкого и Каша внезапно более острым взглядом.

"Конечно, они этого хотели. И они приложили особые усилия, чтобы ближайшие друзья Беовульфа, которые, вероятно, будут его самыми сильными сторонниками, также... были бы заняты чем-то другим. А кто были эти сторонники, помимо самой Лиги? Звездное Королевство Мантикора и первоначальная Республика Хевен, вот кто. И что они с этим сделали?" Его рот скривился. "Они поддерживали существующие фракции, подталкивали к подрыву Конституции Республики изнутри... и поощряли ее уничтожить Звездное Королевство."

Он снова остановился, глядя вдаль и созерцая перспективы, открывающиеся перед его мысленным взором, затем встряхнулся, вернувшись в настоящее.

"Но похоже, что эти высокомерные ублюдки были слишком умны. Война Мантикоры и Хевена вышла из-под контроля. Обе стороны чертовски хорошо умели вести войны, но Мантикора стала еще лучше - особенно в том, что касалось прикладных технологий - а затем Тейсман и Причарт свергли Народную республику." Он покачал головой. "То, что мы все знаем, что они любят работать за кулисами, заставляет задуматься о том, какое наши "Другие Парни" имели отношение к глупости правительства Высокого Хребта и к решению Причарт возобновить боевые действия, не так ли? Но им должно было казаться вероятным, что Мантикора все равно победит, а войны слишком сильно сблизили Мантикору и Беовульф. Поэтому они нанесли Удар Явата, чтобы поразить Звездную Империю, полагая, что Хевен воспользуется возможностью, чтобы закончить уничтожение Мантикоры. Или, по крайней мере, останется в стороне, когда Другие Парни развяжут войну между Солнечной Лигой и искалеченной в военном отношении Мантикорой. И если бы Хевен сделал что-нибудь в этом роде, это бы отравило - возможно,

навсегда, но определенно в краткосрочной перспективе - их отношения и его поддержку Беовульфа.

Но все пошло не так - и очень быстро пошло не так. Вместо длительного, затяжного конфликта между Мантикорой и Лигой, который они могли использовать, они получили Большой Альянс... и боевые технологии Большого Альянса настолько улучшились, что в очень короткие сроки он вручил Лиге ее задницу. Это означает, что вместо пожара в доме, который длится десятилетиями и держит всех занятыми, новый Большой Альянс, состоящий из всех до единого противников, которых Другие Парни больше всего боялись, может свободно искать их с кровью в глазах."

Он перевел взгляд с Зилвицкого на Каша.

"Таковы в основном ваши выводы, я прав?"

"Практически в точку."

Что-то в тоне Зилвицкого наводило на мысль, что он был одновременно удивлен и впечатлен тем, как быстро аль-Фанудахи собрал все воедино. Это немного подбодрило соларианца. Он пришел на встречу, чувствуя себя тупым ребенком в комнате, полной не по годам развитых. Мантикорцы и хевениты могли устрашать не только в военном отношении.

"Я все еще не понимаю." Голос Окику теперь звучал более, чем немного раздраженно. "Значит, они гнилые, бессердечные ублюдки, и у них есть план ниспровергнуть генетический порядок в галактике. Я поняла. Но массовые убийства, помните? При чем тут это?"

"Думаю, я вижу, куда они гнут, Нацуко." Ирэн Тигу хмурилась с тех пор, как Зилвицкий начал свое объяснение, но теперь она слегка наклонилась вперед в своем кресле. "То, что Дауд, капитан Зилвицкий и офицер Каша доказывают - пытаются, я бы сказала - это что "Злое Согласие" внезапно обнаружило, что оно должно покинуть Мезу намного быстрее, чем ожидалось. Поэтому они начали убийства, чтобы замести следы."

"Снова в точку," - согласился Зилвицкий, но Тигу все еще хмурилась.

"Я понимаю, что это многое объясняет," - сказала она. "Может быть, даже почти все. Но это не объясняет удара по Беовульфу. И честно говоря, я не понимаю, как с этим связан Грин Пайнс."

Зилвицкий и Каша переглянулись.

"Я думаю, пора," - сказал Каша, и Зилвицкий кивнул.

"Удар по Беовульфу - это одно, и мы знаем, что они стояли за этим, даже если не понимаем почему," - сказал он. "Но причина, по которой вы не понимаете, как с этим связан Грин Пайнс, капитан Тигу, в том, что они не связаны. Это единственное массовое убийство, за которое не отвечает Согласие - Злое Согласие."

"Тогда кто отвечает?" - спросил Тарковский с дальнего конца стола, и Зилвицкий провел пальцами по своим волосам.

"Ну, думаю, вы можете сказать, что я отвечаю. В некотором смысле."

"Какая херня, Антон!" - прорычал Каша в редком для него приступе сквернословия, и его пристальный взгляд скользнул по столу. "Ответственность за взрыв в Грин Пайнс лежит на

человеке по имени Дэвид Причард. Он был частью небольшой группы революционеров-сесси, с которыми работали мы с Антоном, когда были на Мезе. Когда были на Мезе в первый раз."

Мрачность Тигу оставалась неизменной.

"Тогда почему капитан Зилвицкий сказал, что он отвечает за это? В некотором смысле."

"Сесси достали два или три ядерных заряда." Каша махнул рукой. "Ничего особенного, гражданская строительная техника. Но они только подражали революционерам, а не были опытными террористами, поэтому они и не подозревали, что в этих штуках есть встроенные маяки. Они привели бы власти прямо к ним - и к нам. Поэтому Антону пришлось их отключить."

"Что?!" - воскликнула Арианна.

"Вы дали террористам-сесси пригодное для использования ядерное оружие?" - требовательно спросила Кайла Барретт, впервые заговорив.

Но всеобщее внимание привлек Брайс Тарковский. Он вскочил на ноги, хлопнул обеими руками по столу и наклонился над ним.

"Вы сказали, что отключили радиомаяки на гражданских ядерных устройствах?!" - спросил он.

"Да," - сказал Зилвицкий. "Я это сделал."

Морпех смотрел на него пару секунд, затем снова упал в кресло.

"Боже. Я даже не думал, что это возможно!"

Он слегка наклонил голову, глядя на Зилвицкого из-под бровей, как животное, наблюдающее за хищником неподалеку.

"Вы страшный сукин сын, Зилвицкий," - объявил он. Затем довольно весело продолжил: "Я должен услышать эту историю. Расскажите нам, что там случилось."

* * *

Зилвицкий начал с того, что проиграл все записи их контактов с Джеком МакБрайдом на видеоустройстве, расположенном в центре стола. После того, как последняя запись закончилась, он оглядел стол.

"У кого-то есть вопросы?"

"У меня есть," - сказал аль-Фанудахи. "Но думаю, что было бы разумнее подождать, пока вы не закончите свою презентацию."

"Согласен," - сказал Тарковский.

Больше никто ничего не сказал, но по их выражениям было ясно, что они чувствовали то же самое, поэтому Зилвицкий вывел карту Грин Пайнс, с одной стороны которого был один из пригородов Менделя и с другой - территория парка. Он потратил еще несколько мгновений, выделяя цветом несколько мест на карте, затем откашлялся.

"Красная структура - это Гамма-центр. Точнее, Башня Андрокла. Или, по крайней мере, то что

раньше было Башней Андрокла. Это было в первую очередь коммерческое здание с парой жилых этажей. Сам Гамма-центр находился под башней, хотя его строительство было аккуратно стерто из базы данных Департамента строительства Менделя."

Он переместил яркую стрелку курсора в другое место, на этот раз за чертой города Грин Пайнс.

"Здесь находилась башня Буэнавентура. Это было заброшенное здание в промышленном районе. Очень старом промышленном районе. В субботу, когда все произошло, местность была почти безлюдной."

Курсор переместился на выделенную структуру рядом с Гамма-центром.

"Это спортивный стадион. В субботу, когда мы бежали с Мезы, его не использовали. И наконец, - курсор снова переместился, - это парк Пайн Вэлли, где фактически взорвалась бомба Грин Пайнс."

Он подождал достаточно долго, чтобы его аудитория сориентировалась географически, а затем продолжил.

"Наш план был прост. Джек должен был покинуть Гамма-центр и присоединиться к Эрландеру Симозсу, и мы тайно вывозим их обоих за пределы планеты в защищенном ящике на грузовом судне, на котором мы могли бы проскользнуть мимо службы безопасности Мезы. Если все пойдет гладко, мы окажемся за пределами планеты и вне системы, прежде, чем кто-нибудь поймет, что он и Эрландер не там, где должны были быть."

Однако мы разработали запасной план на случай, если что-то пойдет не так, кто-то узнает о нашем присутствии и том, что мы пытались сделать, и нам придется провести эвакуацию с преследователями на пятках. Если бы нам пришлось уйти в таких обстоятельствах, мы использовали бы один из ядерных зарядов в башне Буэнавентура и второй на спортивном стадионе, чтобы отвлечь их, пока мы сбегает. Взрывы были бы шумными, они привлекли бы все внимание сил безопасности, пока мы направлялись к космопорту, хотя число погибших было бы минимальным. И я думаю, будет справедливо отметить, что мы были здесь от имени Королевства Факел, которое формально объявило войну системе Меза практически в день своего основания. Фактически, система Конго была единственной признанной воюющей стороной, хотя бы периферийной, участвовавшей в разгроме Мезы. Я не пытаюсь оправдаться в том, что мы знали, что наш план убьет жителей Мезы - я просто говорю, что это был акт войны в объявленном конфликте, и что наш план прикрытия сделал все возможное, чтобы свести эти потери к абсолютному минимуму.

В отличие от Рабсилы, и того, что она пыталась, при полной поддержке правительства системы Меза, сделать с Факелом, когда послала НФИ убить всех на планете."

Он обвел взглядом стол, приковывая к себе всех присутствующих. Большинство из них - с разной степенью согласия - наконец кивнули.

"Так и случилось, что-то пошло не так с нашим планом побега. Мы не знаем что, и вероятно никогда не узнаем. Но когда Джек понял, что мы каким-то образом обнаружены, он вовремя предупредил нас, чтобы мы бежали. И когда он осознал, что не может выйти из Гамма-центра и присоединиться к нам, он активировал то, что, по-видимому, было уже установленным ядерным устройством. Зарядом самоубийства для всего центра. Мы предполагаем, что Согласие установило его в рамках своих мер безопасности."

Он слегка покачал головой.

"Все мы, кто сбежал, обязаны своей жизнью Джеку МакБрайду. Он не просто взорвал Гамма-центр. Он также сделал что-то - не спрашивайте нас что, потому что мы не знаем - что, очевидно, взломало большинство систем безопасности Мезы. Мы знаем это, поскольку он сказал Эрландеру, что планирует нанести как можно больший ущерб базам данных и компьютерной поддержке Согласия перед отъездом, но это было больше, чем все, что он описал Эрландеру. Не зная, какой у него был доступ и как он его использовал, я не могу сказать, как он это сделал, но он добрался до систем государственного управления, а не только Согласия, и вышвырнул в ад все, что там было. И то, что он сделал, позволило нашему кораблю - Хали Соул - беспрепятственно покинуть систему Меза. Нас вообще никто не беспокоил. Мы просто... улетели."

"Это объясняет, что случилось с... башней Андрокла и другой - Бонавентура," - сказала Окику. "Но что случилось в парке Пайн Вэлли?"

"Как только Джек взорвал Гамма-центр, больше не было смысла взрывать бомбу на спортивном стадионе. Мы все равно взорвали башню Бонавентура, но не только для того, чтобы отвлечь преследователей. Мы - я - взломали местную камеру видеонаблюдения и подбросили запись, где мы с Виктором "сбегаем" через один из подземных переходов Бонавентуры." Он пожал плечами. "Камера, которую я взломал, находилась в зоне первичного разрушения взрыва, поэтому мы полагали, что любой, кто догадывался, что мы здесь, и искал нас, подумает, что мы взорвали себя сами. Но уже не было смысла запускать второй отвлекающий маневр на стадионе. Взрыв Гамма-центра убил чертовски больше людей и причинил намного больше ущерба, чем когда-либо нанесла бы бомба на стадионе. Власти полностью сосредоточились на нем, поэтому взрыв стадиона нанес бы только материальный ущерб и привел бы к нескольким ненужным смертям среди гражданского населения. Это подвергло бы риску Дэвида Причарда, поскольку именно он летел на аэрокаре, везущем бомбу на стадион."

Итак, мы отправили ему сообщение, отменяющее взрыв. Но он отказался подчиняться. Фактически, он его полностью игнорировал. Он пришел в ярость. Он осудил нас за трусость, прервал все контакты и вместо этого направил аэрокар в центр парка. Судя по тому, что мы с тех пор смогли определить, он активировал бомбу вручную, тем самым убив себя."

"Зачем, черт возьми, вы доверили такому сумасшедшему контроль над ядерным устройством?" - спросил Тарковский.

"Я полагаю, - сказал Сабуро прежде, чем Зилвицкий или Каша успели ответить, - это произошло потому, что Причард был единственным из сессии, кто мог управлять аэрокаром. Я прав?"

"Вполне," - сказал Каша. "Карл Хансен, вероятно, справился бы с этим, но он был нужен в другом месте." Он холодно посмотрел на Тарковского. "Насколько я понимаю, вы всегда участвовали в операциях, в которых работали с проверенными и обученными профессиональными солдатами. Добро пожаловать в наш мир, майор. Мы используем людей, каких уж есть, и как можно лучше. Я знал - как и Антон - что Причард был довольно сильно обозлен. Но никогда не было никаких признаков того, что он совершит что-то совершенно маниакальное."

"На самом деле, - откинулся на спинку кресла Тарковский, не отрываясь от взгляда Каша, - у меня есть определенный опыт общения с... оперативниками, которые не были ни проверены, ни обучены. Конечно, я пытался схватить или убить их вовремя. Это не значит, что я не

понимаю, что необходимость - мать импровизации, офицер Каша."

"Что это меняет?" - спросила Окику. "Это случилось. По крайней мере, теперь мы знаем, что произошло - и почему."

"И это знание проясняет много неясностей," - добавила Тигу. "Грин Пайнс всегда был единственным инцидентом, который, казалось, не укладывался ни в одну связную схему. Теперь мы знаем, это потому, что он не был связан ни с чем. Просто вспышка бессвязной ярости."

Аль-Фанудахи смотрел на Арианну МакБрайд. Ее лицо было напряженным, губы сжаты, ее глаза не были сосредоточены ни на чем.

"Миз МакБрайд," - мягко сказал он. Она моргнула и посмотрела на него. "Как бы то ни было, судя по тому, что нам только что рассказал капитан Зилвицкий, я глубоко восхищаюсь вашим братом. Для человека, посвятившего всю свою жизнь какому-то делу, было непросто порвать с ним, как только он понял, что дело пошло не туда. Для этого требовалась мораль и мужество. Такое абсолютное мужество, которое он проявил в конце своей жизни. Все человечество в долгу перед ним, если вам интересно мое мнение."

"Согласен. Полностью," - сказал Каша.

"Как и я," - добавил Зилвицкий.

Арианна уставилась на аль-Фанудахи. По ее лицу было видно, что заявление офицера соларианской разведки поразило ее. Ее губы приоткрылись.

На мгновение. Затем она плотно сжала губы и кивнула.

"Спасибо," - сказала она. "Я ценю это. Для меня это было тяжело. Тем более, что, судя по тому, что нам сказал капитан Зилвицкий, мой другой брат все еще... - она выставила подбородок вперед, как будто указывая на что-то вдалеке, - ...где-то там."

"Это возвращает нас к нашей теме," - сказал Тарковский. "Другие Парни - то, что вы называете злым Согласием - где-то там. Но где?"

"Вообще-то, это..." - начал Зилвицкий, но тут же остановился, когда снова зазвонил дверной звонок. Он впился взглядом в закрытую дверь.

"Что это, полусекретная встреча или вечеринка?" - спросил он.

"Это должно быть Яна," - сказал Каша. Он был уже на полпути к двери... опять. "Она единственный человек, которому я сказал, что мы будем здесь."

"Яна? Почему... ?"

"Спроси ее сам," - сказал Каша, отступая в сторону, чтобы впустить Яну Третьякову в комнату.

Высокая блондинка не отличалась робостью. Большими шагами она подошла к столу и протянула Зилвицкому чип.

"Я думаю, ты должен посмотреть это немедленно," - сказала она.

"Что это?" - спросил он.

"Не знаю." Третьякова пожала плечами. "Информация с Факела - все, что мне сказали. Курьер прибыл менее получаса назад."

Она повернулась, чтобы уйти, но Каша все еще стоял у двери, подняв руку, чтобы остановить ее.

"Останься, Яна," - сказал он.

"Зачем?" В ее тоне был намек на подозрение.

"Во-первых, нам может понадобиться твое участие. Во-вторых, если эта новая информация приведет к новой экспедиции, мы будем рады, если ты отправишься с нами."

Она посмотрела на него не очень дружелюбным взглядом.

"В прошлый раз, когда это случилось, вы сделали мне сиськи размером с дыню." Она хлопнула себя по груди. Это была явно женская грудь, но не особо выдающаяся. "Теперь, когда я вернула нормальный размер, я хотела бы такой остаться."

"Я сомневаюсь, что на этот раз потребуется какая-либо сложная скульптура тела," - сказал Каша с улыбкой.

"Почему нет? Ты понятия не имеешь, что на этом чипе. Почему я знаю, может быть, как только ты это увидишь, ты захочешь превратить меня в... в... не знаю во что?"

"Я обещаю."

Каша все еще улыбался, и Третьякова фыркнула.

"Обещание Виктора Каша... это... ну, вообще-то, неплохо," - сказала она. "Ну, ладно."

Тарковский встал и предложил ей свое кресло. Ответом было еще одно фырканье.

"Я могу постоять, спасибо," - сказала она.

Пока она и Каша разговаривали, Зилвицкий вставил чип в консоль. Он посмотрел на маленький экран перед собой, быстро прочитал, затем резко выпрямился в кресле.

"Антон?" - сказал Каша тоном человека, который видел приступ вдохновения раньше.

"Все должны это увидеть," - ответил Зилвицкий. "Ну, вообще-то, каждый должен видеть это."

Он набирал команды, убирая изображения из файлов, которые он принес с собой, они исчезли с экрана, их заменило что-то другое.

"Это схемы новых Катафрактов," - сказала Тигу.

"Да." Зилвицкий кивнул. "Это данные из Бо... из основного центра НИОКР Большого Альянса. Если вы, солариане, не знаете, где это находится - а вы, черт возьми, не должны знать - просто умерьте свое любопытство. Его названия и местонахождения вы не знаете. Во всяком случае, пока."

Тигу только пожала плечами. Ее внимание было обращено на дисплей.

"Они не одной и той же версии," - сказала она. "Однако различий не так много. В чем смысл этого?"

"Смысл в карте звездного неба и хронологических данных," - ответил Зилвицкий.

Он развернул временную диаграмму, затем посмотрел на соларианских офицеров.

"Я не понимаю," - нахмурившись, сказал аль-Фанудахи.

"Это потому, что у вас нет всей информации," - сказал Зилвицкий. "Это пришло пару недель назад, так что у нас с Виктором было время, чтобы разобраться. Во-первых, эти ракеты представляют собой две различные версии Катафракта, как уже указала капитан Тигу. Это... - одна из схем ракет мигнула, - более ранняя версия другой."

Он смотрел на аль-Фанудахи, пока соларианин не кивнул.

"Хорошо, это... - Зилвицкий выделил график, - ...реконструкция сроков доставки этих Катафрактов двум разным флотам."

"Я понял это," - сказал аль-Фанудахи. "Итак, одним из них был Второй Флот Филареты. А что за "Аттила"?"

"Аттила относится к флоту, который атаковал Конго," - сказал Каша.

"А..."

"Да." Зилвицкий кивнул. "И "Аттила" получил более позднюю версию этих ракет."

Аль-Фанудахи нахмурился еще больше. Он откинулся на спинку кресла, глядя на карту звездного неба и временную шкалу не менее тридцати секунд. Затем он снова наклонился вперед.

"Подождите минуту. У Аттилы была более поздняя версия?"

"Да."

"Но как это возможно?" Аль-Фанудахи покачал головой. "Единственные два места, производящие Катафракты - Солнечная Система и Йилдун. А нападение на Конго было... когда? За восемь Т-месяцев до того, как Филарета пересек гиперстену Мантикоры."

"Точно." Зилвицкий кивнул. "Что, если вы посмотрите на оставшуюся часть этой временной шкалы, ясно указывает на то, что Аттила получил более продвинутую модель Катафракта, чем Филарета... и получил ее до того, как ФСЛ получил любую из них. И никакая партия из Солнечной системы или Йилдуна не могла быть доставлена ему раньше, чем она достигла Филареты. На самом деле, если вы посмотрите на эту запись, - он выделил другую дату на временной шкале, - маловероятно, что груз из Йилдуна или Солнечной системы вообще мог достичь Филареты до того, как он направился на Мантикору. Это не совсем невозможно, но они должны были быть отправлены прежде, чем приказ Филарете атаковать Мантикору вообще был отдан."

Аль-Фанудахи задумчиво потер подбородок. Затем он кивнул мантикорцу.

"Снова Другие Парни," - сказал он тоном глубокого отвращения.

"Безусловно, и это устанавливает прямую связь между Злым Согласием и Технодайном," - отметил Зилвицкий. "Мы всегда предполагали, что она есть, учитывая масштабы присутствия Технодайна на Мезе, и это в значительной степени подтверждается. А учитывая, насколько далеко были разнесены Аттила и Филарета, когда они приняли ракеты, это еще раз подтверждает, что должен быть по крайней мере один дополнительный завод по производству Катафрактов. Которого нет ни в Солнечной системе, ни на Йилдуне. И вероятно - но предположительно - который уже производил Катафракты до того, как Технодайн успел сообщить флоту Солнечной Лиги о существовании этих ракет."

Глаза аль-Фанудахи были очень внимательными, и он посмотрел через стол на Тигу.

"В этом есть смысл, Дауд," - сказала она. "И мне не нравится, что это говорит о промышленных возможностях, которые должны были где-то спрятать Другие Парни."

"Мы уже поняли, что у них должен быть эквивалент... того места, о котором мы не собираемся вам рассказывать," - пожал плечами Зилвицкий. "Им нужно было где-то строить корабли, которые они использовали во время Удара Явата. Мы не более довольны тем, что где-то у них есть собственная верфь, чем вы, капитан Тигу. И это почти наверняка там же, где они поместили место с научно-исследовательским потенциалом, способным понять, как упаковать гразер крейсерного уровня в какую-то ракету или дрон. Они использовали это против Звездной Империи в Ударе Явата, а затем использовали это снова, чтобы расчистить путь для удара ФСЛ по Беовульффу, и это чертовски опасно. Но действительно важная вещь в этой информации - это то, что она устанавливает прямую связь между ними и Технодайном."

Он снова замолчал, пока солариане не кивнули.

"Как я уже сказал, мы с Виктором знали об этой информации, - он показал на видео, - пару недель назад. Но кое-чего мы не знали... этого."

Он набрал команду, и изображение из Болтхола сжалось в углу видео, в то время как его заменила схема одиночной звездной системы. Она была обозначена как NZ-127-06, и на новом снимке она была показана под разными углами.

"Что это, Антон?" - спросил Каша.

"Это от Руфи," - ответил Зилвицкий.

"Что за Руфь?" - спросил Тарковский.

"Пока остановимся на Руфи."

"Наверно, это Руфь Винтон," - сказал аль-Фанудахи с улыбкой. "Но, как вы понимаете, с моей стороны это всего лишь догадка. Вам не нужно отвечать. Ограниченный допуск, которого у меня нет."

"В этой комнате избыток мозгов," - пожаловалась Третьякова. "Если он достигнет критической массы, мы все будем сожжены излучением нейронов."

Тигу проигнорировала этот эпизод, внимательно изучая изображение. Наконец она покачала головой.

"Там ничего нет," - сказала она. "Это просто довольно типичная система красного карлика. Нет никаких указаний на какие-либо поселения, даже на орбитальные." Она снова покачала

головой.

"Нет. Но дело не в этом, капитан," - сказал Зилвицкий. "Дело в том, что согласно информации, которую нам прислала Руфь, именно здесь "Аттила" получил свои Катафракты."

"В самом деле?" - пробормотал аль-Фанудахи.

"Точно." Зилвицкий кивнул. "И как вы видите, - он ввел другую команду, и на дисплее появилась звездная карта, на которой положение NZ-1207-06 было выделено красным, - это далеко от Солнца, Йилдуна или Мезы."

"Что предполагает, - сказал аль-Фанудахи, глядя на карту, - что это должно быть близко к чему-то еще. Например... как ты это назвала, Ирэн? Секретный производственный комплекс?"

Тишина повисла, пока все они смотрели на звездную карту и скучную схему необитаемой системы. Затем Тарковский зашевелился в кресле.

"И что теперь?" - спросил он.

"Не смотрите на меня," - сказала Третьякова. "В последний раз, когда я связалась с этим гномом, - она кивнула на Зилвицкого, - я превратилась в соблазнительную дуру и потеряла руку. И если во вселенной есть что-то более смешное, чем соблазнительная однорукая дура, я не могу себе представить, что это такое."

"Я могу придумать несколько возможностей," - сказал Каша.

"Например," - спросила она подозрительно.

"Я думаю. Я думаю."

"О черт." Третьякова посмотрела на Тарковского и показала на оставленное им кресло.

"Подвинься. Мне все-таки придется сесть. Мышление Виктора Каша - это какой-то кошмар."

* * *

Несколько минут прошло в молчании.

Каша провел их в свои в свои мрачные думы, как можно было бы подумать о ком-нибудь, кроме Виктора Каша. Учитывая его характер и интенсивность, с которой он разрабатывал сюжеты и схемы, думы были слишком теплым и светлым словом, чтобы адекватно описать то, о чем он, вероятно, размышлял.

Зилвицкий, Сабуро, Третьякова просто сидели, откинувшись на спинки кресел, и спокойно смотрели на него. Барретт, которая встречала Каша во время ее плена в башне Новый Росток, наблюдала за ним с гораздо большим трепетом. Арианна и солариане, не привыкшие к патентованному образу мыслей Каша, смотрели на него, а затем друг на друга с выражениями лиц гостей, которые попали не на ту вечеринку и не совсем понимали, что происходит.

Наконец Третьякова взглянула на Зилвицкого, приподняв бровь. Мантикорец посмотрел на нее в ответ, затем немного демонстративно проверил свои часы и кивнул.

"Ну, Виктор," - сказала она. "Время вышло! Что может быть смешнее однорукой соблазнительной дуры?"

Губы Каша могли - возможно - слегка дернуться, но он не подавал никаких других признаков того, что даже слышал ее. Вместо этого он еще несколько секунд смотрел на стол, прежде чем поднял глаза.

"Ответ на твой вопрос, - сказал он ей, - это организация экспедиции, чтобы выяснить, что произошло в этой звездной системе, с использованием некоторых из кораблей Аттилы, захваченных в битве при Факеле. И делать это нужно с достаточно мощной силой. Думаю, по крайней мере, крейсер и два-три эсминца."

Третьякова закатила глаза. Дауд аль-Фанудахи нахмурился. Большинство остальных выглядели только сбитыми с толку, а Зилвицкий улыбнулся про себя.

Добро пожаловать на Дикие Скачки Виктора, подумал он. Я бы назвал это Безумием Каша, если бы он слишком много раз не осуществлял эти схемы.

"О чем вы, черт возьми, говорите?" - спросил Тарковский.

"Я думаю, это очевидно," - ответил Каша и кивнул в сторону системы красного карлика на дисплее. "Нам нужно исследовать эту систему, но сейчас там ничего не найдешь."

"Не найдешь?" Арианна нахмурилась. "Я думаю, такая крупная операция оставила бы некоторые следы."

Каша смотрел на нее так, как преподаватель может смотреть на способного, но иногда медлительного ученика, который только что дал неправильный ответ, но Зилвицкий ответил ей раньше, чем Каша.

"Это не очень вероятно, Арианна," - сказал он. "Вот почему они выбрали случайную необитаемую систему - ну, не совсем случайную. Она должна быть примерно в нужном месте. Но там никто не живет, поэтому свидетелей не было бы. Согласно исследованию Руфь, они были доставлены грузовыми судами, которые не беспокоились о каких-либо транспондерных кодах. По мнению специалистов по логистике Аттилы, они также не были слишком современными или хорошо оснащенными погрузочным оборудованием. При переброске ракет требовалось много ручного труда. Тем не менее, это заняло всего четыре или пять часов, а затем все ушли."

"Как я и сказал." Голос Тарковского был немного раздраженным. "О чем вы, черт возьми, говорите? Какой смысл собирать эскадру, чтобы расследовать пустое место?"

Каша посмотрел на него чуть менее доброжелательно, чем на Арианну, и покачал головой.

"В этой системе ничего не найдешь. Но при всем уважении к Антону, они не могли организовать такую крупную операцию, не оставив свидетелей. Просто их нет в NZ-127-06. Учитывая то, что Антон только что сказал о "ручном труде", им нужно было где-то найти рабочую силу. И если люди Аттилы думали, что грузовые корабли были не такими современными, то маловероятно, что они пришли напрямую из звездной системы, способной производить Катафракты. И все мы знаем, как Злое Соглашение любит создавать посредников и правдоподобное отрицание. Аттила даже не подозревал, что работал с кем-либо, кроме Рабсилы, при негласной поддержке правительства Мезы. Он явно ничего не знал о Злом Соглашении. Итак, как вы думаете, каковы шансы, что они нашли другую систему - обитаемую - для переправки Катафрактов со своих грузовых судов добрым, отверженным, неопознанным бродягам, которые на самом деле доставили их Аттиле?"

Раздражение Тарковского сменилось задумчивостью.

"Хорошо," - сказал он через мгновение. "Вы можете - можете - на что-то натолкнуться, но галактика большая. Как..."

"Дыра в Стене!" - прервала Ирэн Тигу, глядя на стол перед собой. "Есть здесь...?"

"Секунду," - сказал Зилвицкий. Он коснулся пульта перед собой, и на столе перед Тигу появилась вторая виртуальная панель управления.

Она начала работу, глядя на экран, пока ее пальцы летали над панелью.

"Если я правильно помню, Дыра в Стене не так далеко от этой системы. А также..."

Схема NZ-1207-06 исчезла, а звездная карта, показывающая положение NZ-1207-06, расширилась, чтобы занять ее место. Еще одна звезда вспыхнула, когда Тигу выделила ее красным, а затем карта переместилась вверх и в сторону, поскольку схематическое изображение выделенной звездной системы заняло центральное место. Тигу увеличила масштаб схемы, и появился буквенно-цифровой блок данных с астрографическими данными системы. Звезда, занесенная в каталог как NZ-1207-12, была класса G7 с шестью планетами. Самая внутренняя планета, очень близкая к звезде, была намного больше, чем Меркурий в Солнечной системе, но представляла собой столь же бесполезный кусок камня, а две внешних были бесполезными ледяными шарами. Но четвертая была газовым гигантом на границе зоны жидкой воды... с большим семейством лун. Одна из них была вдвое меньше Ганимеда Юпитера, с диаметром на тысячу километров больше, чем у Марса, что делало ее достаточно большой, чтобы сохранять пригодную для дыхания атмосферу. Она не выглядела слишком гостеприимной - первое впечатление подтвердилось, когда Тигу выделила ее запись в блоке данных астрографии системы и увеличила ее. Она была холодной, с очень ограниченной гидросферой и - что неудивительно, учитывая, что только около тридцати процентов ее поверхности было покрыто водой - с большими пустынями. Но как бы непривлекательно она ни выглядела как место для отдыха, она все же оставалась в пределах пригодности для проживания.

"Вот это," - сказала она, "Дыра в Стене."

"Что это?" - спросила Арианна, и Тарковский хмыкнул.

"Я слышал об этом. В основном притон преступников."

"О, это нечто большее," - сказал аль-Фанудахи. "В своем дурном роде Дыра в Стене довольно известна. Ну, печально известна. Она была основана..."

"Давайте пока пропустим урок истории," - сказал Каша. "Я слышал о ней, хотя не думаю, что когда-либо слышал, где именно она находится. И конечно, не догадывался, что это близко к NZ-1207-06. Но да, это именно то место, где совместная операция Технодайна и Злого Согласия могла бы получить корабли и рабочую силу."

"Здесь не так много населения," - сказал Сабуро, глядя на данные по планетам.

"Это скорее место встречи, чем промышленный узел," - ответил аль-Фанудахи. "О, там на орбите есть легкая промышленность, достаточная для ограниченного местного производства потребительских товаров, мелкого ремонта и базового обслуживания кораблей, но ничего более сложного, чем это. Там есть орбитальные склады и небольшие портовые сооружения, но

их достаточно только для обработки пиратских грузов, не задавая лишних вопросов. Но самая большая и самая прибыльная функция - служба доставки почты и... вербовка."

"Вербовка?" - повторила Арианна.

"Это место, где люди, которым могут понадобиться услуги пиратов или преступников, могут размещать объявления о приеме на работу," - сухо сказал аль-Фанудахи. "И это удобное, невидимое, неизвестное место встречи для теневых людей - таких как некоторые из менее разборчивых оперативников из некоторых менее разборчивых корпораций - чтобы встретиться с людьми, нанятыми их работодателями. Место, в котором никто не задает вопросов."

"Вот почему я хочу пойти с довольно небольшими силами," - сказал Каша. "В системе не может быть какого-либо крупного военного присутствия; люди, которые там живут, в основном пираты и контрабандисты. Так что ни у кого не будет флота супердредноутов, и я не думаю, что они отреагировали бы спокойно, если бы мы появились с одним из них."

"Вопрос." Тарковский, заложив руки за спину, стоял за стулом, который он уступил Третьяковой, с любопытным выражением лица. "Объясните логику вашего предложения. Зачем вообще посылать эскадру? Я имею в виду, зачем беспокоиться о том, отреагируют ли они спокойно? Если вместо этого мы отправим оперативную группу с экспедиционным корпусом морской пехоты на борту пары транспортов, мы могли бы просто захватить систему - как вы только что сказали, у них не будет никаких военных сил, чтобы остановить нас - и потом захватить кого-нибудь в системе для информации. У нас будет достаточно флота, чтобы остановить побег любых кораблей. Зачем это нужно?" Он криво улыбнулся. "Я просто морской пехотинец. Мне нравится все упрощать. В основном потому, что чем меньшим числом ручных гранат вы жонглируете, тем меньше вероятность того, что вы уроните одну себе на ногу и взорветесь."

"На самом деле, я тоже предпочитаю простоту... когда она работает," - сказал ему Каша с чем-то более похожим на улыбку. "Но к тому времени, когда морские пехотинцы захватят какие-либо объекты - мне все равно, о чьих морпехах идет речь, или насколько они хороши - информации уже не останется. Все компьютеры превратятся в шлак."

"Останутся люди, которых мы могли бы допросить," - отметил Тарковский. "Включая персонал, который вводил информацию в компьютеры до того, как они превратились в шлак, если вы понимаете, что я имею в виду."

"Я думаю, что это маловероятно," - сказал Каша. "О, может быть, еще останутся люди, которых мы могли бы допросить - может быть. Я не слишком оптимистичен по поводу этого, но это возможно. Однако можно сказать наверняка, что те, кто действительно что-то знал, все будут мертвы."

"Мы можем обойтись небольшими потерями с обеих сторон," - сказал Тарковский. "Мы довольно хороши в таких вещах."

"О, я уверен, что хороши. Я говорю это искренне. Но они все-таки будут мертвы."

"Но мы..." - Тарковский замолчал, его глаза расширились. "Что вы имеете в виду? Массовое самоубийство?"

"Это не обязательно должно быть массовым самоубийством," - сказал Зилвицкий. "Все, что вам нужно, это один фанатик, готовый покончить жизнь самоубийством и в процессе совершить массовое убийство. Позвольте мне показать вам кое-что."

Он вызвал другой файл, экран опустел, а затем там появилось изображение звездолета - грузовоза - с пристыкованным к нему небольшим военным кораблем.

"То, что вы видите - это работорговый корабль Луиджи Пиранделло, и его берет на бордаж катер Флота Факела. Это был один из двух невольничьих кораблей на станции Бальческу, когда прибыли люди с Факела. Оба они пытались бежать, но только одному из них удалось, а Луиджи Пиранделло не смог достичь гиперлимита и был остановлен. Мы думаем, что он и корабль, сбежавший из системы - Принц Сунджата - оба использовались для перевозки некоторых кадров Злого Согласия, которые покинули Мезу до того, как сюда прибыл Десятый флот." Он взглянул на Арианну. "Одним из них был ее брат Зак. Однако мы на девяносто девять процентов уверены, что он был на борту Принца Сунджаты, так что он выбрался."

Его взгляд вернулся к дисплею.

"Но как только команда Луиджи Пиранделло поняла, что не сможет сбежать, они сдались, получив гарантии, что они не будут казнены, если рабы останутся невредимыми. Работорговцы эвакуировались на двух шаттлах, оставив рабов, чтобы их забрали люди с Факела. Но когда к ним подошел флотский катер..."

Он нажал кнопку, включив изображение, и Ирэн Тигу громко зашипела, когда ослепительный свет ядерного взрыва заполнил дисплей.

"Ответ флота последовал незамедлительно," - бесстрастно сказал Зилвицкий, и появилось новое изображение. На нем была пара шаттлов, а затем, секунды спустя, яркие следы ракет. Эти следы стремительно растягивались по дисплею. Они слились с шаттлами... и оба шаттла погибли так же зрелищно, как и Луиджи Пиранделло.

"Что случилось?" - спросил Тарковский с бесстрастным профессиональным любопытством.

"Мы не знаем наверняка, - ответил Каша таким же тоном, - и хотя я ни капли не виню Факельцев, они в значительной степени гарантировали, что уцелевших, которых можно было бы допросить, не было. Я уверен, что если бы они были, они бы пели, как птички. По крайней мере, половина людей на этих кораблях принадлежала в прошлом к Баллрум." Его голубые глаза были холодны от мрачной уверенности.

"К сожалению, никто не смог их спросить," - продолжил он. "Единственное, что имеет смысл, однако, это то, что фанатик Согласия все еще находился на борту грузовоза и взорвал корабль, как только катер подошел к нему."

"Таким образом уничтожив все улики, а также нанеся последний удар по врагу," - сказал аль-Фанудахи. "Вы предполагаете, что если бы люди в Дыре в Стене знали что-то важное, что могло бы привести охотников к Другим Парням, кто-то вроде него вероятно тоже присутствовал бы там."

"Готовый сделать то же самое." Каша кивнул. "Вот почему нам нужно провести расследование, не предупреждая никого о том, что в этом замешаны Большой Альянс или Солнечная Лига - любая уважаемая военная сила. Это означает создание небольшого пиратского флота. Вот только у нас нет времени - да и у меня нет желания - идти и искать настоящих пиратов. Кроме того, это было бы глупо, когда в нашем распоряжении есть готовые экипажи, которые намного более дисциплинированны и мощны, чем флибустьеры."

"Простите?" Окику нахмурилась. "Готовые экипажи?"

"Именно... по милости адмирала Розаку," - сказал ей Каша с тонкой улыбкой.

"Подождите," - сказал аль-Фанудахи. "Адмирал Розак? Вы говорите о людях... Народном флоте в изгнании - которые пытались осуществить геноцид Факела?"

"Да." Улыбка Каша стала шире. "Факел предлагал отправить их всех домой, в Новый Париж для суда, но у президента Причарт было слишком много других вещей на уме - и в тарелке - в данный момент. И адмирал Розак не хотел получить их, потому что, если бы Факел передал их ему, ему пришлось бы отдать их под суд. В конце концов, они пытались нарушить Эриданский Эдикт. И если бы они дали показания в открытом суде, было бы слишком вероятно, что... некоторые аспекты вооружения его собственных кораблей стали бы достоянием общественности."

"Вы говорите, что он уже был в постели с Мантикорой или Хевеном уже тогда? Что вы снабдили его современным оружием?"

Почему-то в тоне аль-Фанудахи было очень мало удивления.

"О нет! Ни Мантикора, ни Хевен." Каша покачал головой. "Эревон снабдил его современным оружием... и гораздо большим количеством кораблей, чем он когда-либо признавался Старой Земле."

"А..." Аль-Фанудахи кивнул. "Меня интересовала исходная хронология. МАРС ясно дал понять Лиге, когда он вышел из ее состава, что они у него тогда были. Я далек от того, чтобы предполагать, что они предоставили эту информацию как еще один незначительный факт, который следует рассмотреть Мандаринам, прежде, чем они отправят какие-либо карательные экспедиции, чтобы "усмирить" сектор Майя, хотя я полагаю, что это было вряд ли возможно. Но когда нам передали эту информацию, я посмотрел отчет адмирала Розака по Конго." Он широко улыбнулся. "Я ценю хорошо написанную художественную литературу. Спасибо, что разъяснили, что там скрывалось."

"Я сомневаюсь, что он возражает, чтобы вы знали об этом сейчас," - ответил Каша с легкой улыбкой. "На самом деле, зная его, он, вероятно, чертовски забавляется мыслью о том, что вы понимаете - наконец - как давно он и губернатор Баррегос начали играть на Старом Чикаго, как на скрипке. И по правде говоря, получить эти корабли из Эревона было первым явным шагом, который эти двое сделали."

"И чертовски хорошо, что он взял их с собой в Конго," - мрачно сказал Зилвицкий.

"Это так," - согласился Каша. "В любом случае он и его люди понесли ужасные потери, потому что тогда о Катафрактах никто не знал. Он узнал о них на собственном горьком опыте, и не имея соответствующего собственного оружия..."

Его голос оборвался, и на мгновение возникла тишина. Потом он пожал плечами.

"Но актуальным сейчас является то, что, поскольку президент Причарт не хочет их, и губернатор Баррегос не хочет их, они оказались на Факеле - там взяли Цербер за образец и предоставили им свой собственный остров - через некоторое время после битвы."

"И какого черта они теперь захотят работать на нас?" - спросила Третьякова, и Каша посмотрел на нее.

"Они живут на своем острове уже почти два Т-года," - отметил он. "Как ты думаешь, сколько

еще они там пробудут?"

"Откуда я знаю?"

"Ты не знаешь. И я не знаю. И никто не знает. Насколько они знают, или мы знаем, они могут провести там остаток своей жизни. Не похоже на то, что они кому-то нужны, или что у кого-то есть стимул найти для них что-то получше, чтобы они сами могли бы распорядиться своим временем. Они могут там прекрасно выжить - они так и поступали с момента нападения - и у них нет выхода. Так что ответ, вероятно, таков, что они проведут остаток своей жизни или, по крайней мере, следующие несколько десятилетий, оставаясь там. Ты правда думаешь, что мы не смогли бы найти достаточно добровольцев для этой экспедиции, если бы дали им стимул?"

"Какой стимул?"

"Свобода. И достаточно денег, чтобы позволить им начать все сначала."

"Некоторые из этих людей - фанатики, Виктор," - отметил Зилвицкий. "Я сомневаюсь, что они из тех фанатиков, которые подпишутся, чтобы получить шанс взорвать своих нанимателей, но с годами я обнаружил, что фанатики могут быть... немного ненадежными."

"Я и не знал об этом. Я лично никогда не имел дела с фанатиками," - сказал Каша с абсолютно невозмутимым лицом, затем приподнял бровь, когда Третьякова испытала внезапный приступ кашля.

"Не обращайтесь на меня внимания!" - сказала она, стуча кулаком по груди. "Должно быть, я что-то вдохнула."

Кто-то усмехнулся, и Каша улыбнулся. Затем вспышка юмора исчезла.

"Я не слишком беспокоюсь о фанатиках, Антон," - сказал он. "К тому времени, когда мы сможем поехать в Конго, должны вернуться Инди, Дэмиен и Надзирающий За Огнем."

"Надзирающий За Огнем?" - спросил Тарковский.

"Древесный кот Дэмиена," - объяснил Зилвицкий. "Хотя, честно говоря, с равной точностью можно сказать, что Дэмиен - человек Надзирающего За Огнем, как вы понимаете. И ты прав, Виктор. Если уж на то пошло, на Факеле уже есть как минимум три или четыре кота. У нас должна быть возможность проверять наших "добровольцев" на наличие оставшегося фанатизма."

"Вы говорите, древесные коты действительно умеют читать мысли?" - спросил аль-Фанудахи с интересом в глазах.

"Не совсем. Во всяком случае, не человеческие мысли. Но они могут читать человеческие эмоции," - ответил Зилвицкий. "Из них получаются чертовски хорошие детекторы лжи. Или, в данном случае, детекторы фанатизма."

"Проклятье." Тарковский покачал головой. "Вы не думаете, что мы могли бы нанять кого-нибудь из них, чтобы помочь бригадире Гаддису в Старом Чикаго, не так ли?"

"Боюсь, это так не работает," - сказал Зилвицкий с улыбкой.

"Нам, конечно, понадобятся несколько народных уполномоченных," - сказал Каша. Тарковский

посмотрел на него, и он пожал плечами. "Комиссаров."

"О, я знаю, что они были," - ответил морпех. "Мне просто интересно, где вы собираетесь их искать в эти дни."

"Думаю, мы можем начать с меня и Яны. Мы сможем найти других людей, которых можно будет использовать, когда доберемся до Факела. Я уверен, что некоторые из бывших ребят Баллрум были бы рады помочь. И я поговорю с адмиралом Турвилем перед отъездом. Он, вероятно, сможет освободить некоторых из своих людей, которые так или иначе подходят для экспедиции. Но, говоря о комиссарах..."

Он смотрел на Тарковского взглядом, который можно было охарактеризовать как глаза-бусинки или просто Виктор-взгляд.

"Что?" - с подозрением спросил Тарковский.

"Я почти уверен, что из вас получится хороший комиссар," - сказал ему Каша.

"Вы, должно быть, шутите," - сказал аль-Фанудахи.

"Нет, это не так," - сказала Третьякова. "В таком состоянии он похож на черную дыру. Он просто как бы... всасывает всех. И прежде, чем вы это осознаете, он заставляет вас танцевать, как марионеток. Даже таких людей, как я, которые, черт возьми, должны знать его лучше. Тем не менее, - она поджала губы, - я никогда раньше не была комиссаром. Должно быть интересно. Кто знает? Это может быть даже весело."

Солариане и мезанцы в комнате уставились на нее.

"Вы должны сделать скидку," - сказал им Сабуро. "Раньше она была кощею. У этих людей действительно своеобразное представление о веселье."

"Как и у многих морпехов," - сказал Тарковский. "Включая меня."

"Черт возьми, Брайс - будь серьезен!" - рявкнула Окику.

"Я говорю серьезно." Он провел рукой по своим коротко стриженным волосам. "По правде говоря, план Каша - ну, план в процессе составления - действительно имеет для меня смысл. С такой численностью и персоналом с соответствующими ДНК и досье, мы войдем и будем достаточно сильными, чтобы никто, уже находящийся в Дыре в Стене, не был склонен атаковать нас. Но не настолько сильными, чтобы они связали нас с кем-то достаточно сильным и стали бы беспокоиться из-за нас."

Он перестал потирать скальп и наклонил голову в сторону Каша.

"Вы предлагаете выдать нас за наемников, верно? Отступников из уже потерпевшей крах контрреволюции, которые ищут кого-нибудь, кто бы платил им?"

"Точно." Каша кивнул. "Это в значительной степени то, чем уже был НФИ, за исключением того, что они еще не отказались от своих политических амбиций." Он покачал головой. "Я уверен, что на этом острове еще много приверженцев Госбезопасности. Но сейчас многие из этих людей просто ищут выход."

Тарковский медленно кивнул, затем остановился, увидев выражение лица аль-Фанудахи.

"Расслабься, Дауд!" - сказал он со смешком. "Я не предлагаю тебе или Ирэн быть частью экспедиции. Я уверен, что от вас обоих будет больше пользы, если вы останетесь на Мезе и продолжите расследование."

И я предполагаю, - его взгляд переместился на Зилвицкого, - что вы тоже останетесь на Мезе, капитан?"

Зилвицкий и Каша посмотрели друг на друга. Через секунду Каша слегка покачал головой, и Зилвицкий снова посмотрел на Тарковского.

"Да, майор. Я останусь здесь. По крайней мере, пока."

"Пока мы с Каша поедem в Конго посмотреть, что получится."

"Да." Каша кивнул. "Мы уходим, как только я смогу поговорить с адмиралом Турвилем. Это должно дать вам время на приготовления, которые вам нужны."

"Много времени. Между прочим, офицер Каша... "

"Зовите меня Виктор."

"Виктор. Я никогда не был комиссаром - или народным комиссаром. К чему я должен стремиться?"

"Это не очень сложно. Вам просто нужно проецировать ауру власти, подкрепленную тонкой и сдержанной угрозой."

"Тонкой и сдержанной," - пробормотал аль-Фанудахи.

"Вы что-то сказали, капитан аль-Фанудахи?" - поинтересовался Тарковский.

Угроза была заметна. Тонкость и сдержанность... не очень.

Говори Негромко

Старый квартал

Город Старый Чикаго

Старая Земля

Солнечная система

"Я чувствую себя совершенно нелепо. Как, черт возьми, я попала в эту экспедицию?"

Кэтрин Монтень говорила - на самом деле, ворчала, - достаточно громко, чтобы ее услышала очень крупная женщина, которая находилась менее чем в метре от нее. По обоюдному, хотя и неявному согласию, Фанни шла впереди по переполненным коридорам многолюдного чикагского гетто. С такой стройной фигурой, как у нее, Монтень не добилась бы больших успехов, если бы была в авангарде их путешествия.

"Экспедиция?" - повторила она. "Скажем лучше, поиск ветра в поле."

"Зачем искать ветер в поле?" Фанни даже не повернула головы. С ее громким голосом в этом не

было бы никакой необходимости.

"Откуда мне знать?" - ответила Монтень. "Это просто выражение. Например, "взялся за гуж - не говори, что не дюж" - одна из тех пословиц, точное значение которых зависит от терминов, которые больше не имеют никакого содержания. Какой гуж? что за дюж? Да и кого это волнует? Ты знаешь, что это значит, не хуже меня."

Она потянулась к маске на лице, перебирая хорошо замаскированные кнопки управления. Ей очень хотелось выключить эту дурацкую штуку, но...

Фанни настаивала на необходимости носить маску, хотя и отказывалась объяснять почему. Монтень по опыту знала, что спор по пустякам с волевым вице-президентом Антирабовладельческой Лиги, не стоит затраченных усилий. Это было похоже на словесный эквивалент борьбы сумо... и она не была тяжеловесом.

"Мы пришли," - объявила Фанни и остановилась, достаточно неожиданно для того, чтобы Монтень чуть не врезалась (и отскочила) от нее. На дверном проеме перед ней не было никаких знаков, кроме небольшой таблички с надписью: "Говори Негромко."

"О, как странно," - пробормотала Монтень. "Мне нужно объяснить смысл и этой фразы?"

Фанни проигнорировала ее и ткнула пальцем в дверной звонок, кнопка которого была настолько маленькой, что только тот, кто активно искал, мог ее заметить. Через несколько секунд дверь открылась, и появился мужчина, который был даже больше, чем Фанни. Его одежда была устрашающей, с таким же успехом он мог нести мигающую табличку, гласящую: Я ВЫШИБАЛА. БОЙСЯ МЕНЯ.

"Да?" - спросил он.

"Мы приехали на воды," - сказала Фанни.

"В Касабланке нет воды."

"Нас же не обманули."

"Добро пожаловать в кофейню Рика," - ответил вышибала и отступил в сторону, широко распахнув дверь.

Это кафе, а не кофейня, пробормотала Монтень, когда вошла. Как и Виктор Каша, она была поклонницей так называемых "фильмов" Земли до Расселения. Она подозревала, что в отличие от нее, ни Фанни, ни вышибала понятия не имели о происхождении своих глупых паролей и отзывов.

Дверь открывалась в узкий коридор, который вел к другой двери, у которой, как и той, через которую они вошли с тротуара, не было ни ручки, ни других видимых средств открывания. Ее не охранял вышибала, но была еще одна небольшая табличка с той же надписью: "Говори Негромко."

"Негромко," - сказала Фанни, и дверь бесшумно открылась.

"Что за... !" Монтень проглотила ругательство и удовлетворилась раздраженным закатыванием глаз и бормотанием: "Может ли что-то быть банальнее?"

По крайней мере, через эту дверь они попали в настоящую комнату. Большую комнату, заполненную расставленными столами и с нишами по бокам. Ниши были закрыты переливающимися электронными экранами. Все сидящие за столами были в масках, подобных тем, в которых были Монтень и Фанни.

Подобных, по крайней мере, с точки зрения задействованной электроники, которая не так уж сильно отличалась - по крайней мере, по назначению - от той, что защищала ниши. Но программирование масок было более сложным, чем у экранов ниш. Каждая маска не только отличалась от любой другой, но и во многих случаях постоянно изменялась.

За столиком неподалеку от них сидел мужчина, судя по размеру, хотя нельзя было сказать наверняка. Фанни была значительно крупнее его... или ее. Вероятно, более точным указанием на пол человека была форма маски, которую он носил. Голова существа, напоминающего медведя; затем лицо человека в рогатом шлеме; затем то, что казалось сверхновой; и, наконец, снова квази-медвежья голова.

"Мания величия," - пробормотала Монтень. "Должно быть мужчина."

Это было нечестно. Она знала несколько женщин, которые страдали от подобных заблуждений. Но в тот момент Монтень была настроена не очень справедливо. Эскапада, на которую ее уговорила Фанни, начинала действовать ей на нервы.

"Куда теперь?" - спросила она, и Фанни приподняла запястье, чтобы проверить свой уни-линк. Изучив его на мгновение, она кивнула в сторону ниши в дальнем правом углу комнаты.

"Туда," - сказала она и в своей неподражаемой манере направилась к цели. Монтень так и не смогла решить, напоминает ли это ей небольшой быстро движущийся ледник или первый закон движения Ньютона. В любом случае вы придете туда, куда собирались.

Когда они подошли к нише, ее перегородка внезапно исчезла. По крайней мере, им не понадобился еще один нелепый пароль.

За столом внутри сидели четыре человека. Ближайшим к арке был мужчина, судя по одежде. Это была куртка, имитирующая старинную, вплоть до заплаток на локтях. По опыту Монтень, только мужчины носили что-то настолько непрактичное. Если ей нужна была защита от холода, она использовала согревающую куртку - и ни одна современная ткань не была настолько прочной, чтобы требовать особой защиты суставов.

Конечно, они были здесь не для защиты, и она была слишком хорошо осведомлена о том, что они на самом деле провозглашали.

Ученый. Чудесно.

Она подавила очередное проклятие. Вообще говоря, она не ладила с учеными. Фактически, она могла придумать только полдюжины исключений из этого правила, таких как Веб Дю Гавел.

Но она решила сохранять непредвзятость, по крайней мере, на данный момент, потому что, по крайней мере, маска мужчины не выглядела нелепой. Ее собственная маска представляла собой утилитарный пустой экран, на котором не было ничего, кроме ее глаз. Маска Фанни была немного более сложной - тоже ничего, кроме экрана, но с тонким эффектом падающей воды.

Маска сидящего человека, как и его куртка, была очень старомодной - голова длинноклювой

птицы. Монтень знала, что этот дизайн также был архаичным, восходящим к маскам, которые врачи носили во времена до Расселения, чтобы избежать заражения от своих пациентов.

Этот парень думает, что я заразна? Монтень усмехнулась при этой мысли, скользнув в одно из двух незанятых кресел в довольно многолюдной нише. Конечно, маска скрывала улыбку. Так что и у нелепых вещей есть свои преимущества.

Двое из других уже сидящих людей были явно женщинами. Женщина, которая оказалась справа от ученого, носила одежду, которая не была яркой, но достаточно плотно сидела на ней, чтобы четко обозначить ее пол. Она была полной, коренастой, с такой же невзрачной маской, которую носила Монтень, единственной целью которой было скрыть ее лицо. Ее коротко стриженные черные волосы перемежались сединой, что пробудило интерес Монтень. Такое сочетание было необычным для людей, получивших пролонг, и то, что женщина не красила их, вероятно, хорошо говорило о ней, по мнению Монтень. Если бы у нее были великолепные волосы, она бы тоже не красила их.

Вторая женщина в нише была немного выше и со светлыми волосами. Ее выбор одежды был более ярким - брючный костюм, оттенок которого точно соответствовал ярким голубым глазам в прорезях ее маски - и она была значительно стройнее.

Четвертый и последний из ожидающего квартета был еще более явным мужчиной. Вероятно, он был такого же роста, как Фанни - трудно было сказать точно, когда он сидел, и у него были необычайно широкие плечи. Насколько она могла видеть, его лицо было почти такого же цвета, как у Мишель Хенке, а его короткие, курчавые волосы плотно прилегали к голове.

Фанни проскользнула на последнее оставшееся место - в ее случае это было несколько более трудоемкой задачей - и ниша "заполнилась" - защитный экран снова встал на место. Монтень посмотрела на него через плечо.

"К чему вся эта чертова секретность?" - раздраженно спросила она.

"Разумный вопрос," - ответил человек с заплатами на локтях, и его маска исчезла. Открывшееся лицо было чисто выбритым, с каштановыми волосами, карими глазами и дружелюбной улыбкой. "Маски предназначены только для того, чтобы не привлекать внимания. Если бы вы пришли сюда без нее, вас бы все заметили."

"И что?"

"По причинам, которые я сейчас объясню, я бы предпочел, чтобы меня не заметили, леди Кэтрин."

"Я не "леди" Кэтрин," - раздраженно ответила она. Несмотря на его любезность, она все еще нервничала. "Я отказалась от своих титулов много лет назад, когда решила, что буду более эффективно работать в Палате Общин, чем в качестве еще одного сумасшедшего пэра. Слишком много чертовых зануд уже есть в Палате Лордов. Зачем там еще один? А вы кто такие, раз уж мы говорим об именах?"

"Чак Ганнон. Или доктор Чарльз Ганнон, если быть формальным. И хотя вы, возможно, больше не леди Кэтрин в Звездной Империи, мы на Старой Земле. Здесь - везде в Солнечной Лиге - вы по-прежнему графиня Тор."

"В этом он прав," - сказала Фанни. "Это часть твоего... как бы это назвать? "Легенда" кажется немного экстравагантным."

Женщина справа от Ганнона сняла свою маску, обнаружив привлекательное открытое лицо, и улыбнулась Монтень.

"Лично я не думаю, что это экстравагантно," - сказала она. "Мои родители с энтузиазмом отзывались о леди Кэтрин, поборнице угнетенных и прокляты никогда не достаточно проклятой Рабсилы."

Монтень уставилась на нее, и та широко улыбнулась.

"Я из семьи аболиционистов. Из-за этого у меня возникали некоторые проблемы в Академии."

"Более чем некоторые," - поправил Ганнон. "Но давайте представим всех."

Последняя пара масок исчезла, и он показал на первую женщину.

"Лиз - Элизабет Роббинс, если говорить формально - контр-адмирал флота Солнечной Лиги, а "Академия", о которой она говорит - Академия Флота. Которая не очень уважает неконформистов... что вероятно объясняет, почему она не вице-адмирал Роббинс."

"Напротив нее сидит подполковник Ван Чжин-кван. В настоящее время она командует оперативным отделом разведки жандармерии, но в ближайшее время она будет командовать всеми разведывательными подразделениями жандармерии. А слева от меня - майор Иржи Скарлатти, тоже из жандармерии."

Боже, подумала Монтень, какая... эклектичная команда. Говоря о которой...

"А вы... что такое, кроме "доктора", Чарльз Ганнон?"

"Я новый директор флотской разведки," - ответил он, и Монтень нахмурилась.

"Ваше имя мне как-то знакомо, но я не помню, почему."

"Не помнишь?" Фанни весело хмыкнула. "Ты наверное слышала это в связи с премией Банерджи. Он получил ее несколько лет назад."

Вот оно что. Монтень почувствовала, как ее раздражение утихает. Премия Банерджи была одной из немногих академических наград, которые она уважала. В отличие от большинства, она не выдавалась за какую-то конкретную работу. Это было больше похоже на награду "гений в целом", и хотя Монтень так же скептически относилась к термину "гений", как и к наградам, она не могла отрицать, что у премии Банерджи впечатляющий послужной список.

Предсказуемо, когда раздражение исчезло, вперед вышло любопытство.

"Хорошо," - сказала она. "А почему Фанни настояла на том, чтобы я поехала сюда с ней? Я предполагала, что она просто хотела моей моральной поддержки для какой-то новой интриги, которую она готовит. Но теперь я начинаю думать..."

"Готовит"? Фанни слегка нахмурилась. "Во-первых, я не интригую. Во-вторых, если бы я это делала, я бы не "готовила" интриги. Возможно, ты не уважаешь кухню, но я уважаю."

"Нет, я хотел поговорить не с миз Фанантенанирайни," - сказал Ганнон. "Я хотел поговорить с вами."

Монтень была искренне впечатлена. Ему удалось безупречно произнести полное имя Фанни. Можно даже сказать, что он сделал это быстро. Ясно, что это человек достойный.

"У меня есть предложение," - продолжил он.

"Предлагайте."

"Наверно мы должны сначала заказать напитки," - предложила Фанни.

* * *

Это заняло некоторое время.

После того, как Ганнон закончил, Монтень уставилась на причудливый рифленый контейнер на столе перед ней. В народе их до сих пор называли "стаканами", хотя из этого древнего материала - стекла - по-прежнему делались только чудовищно дорогие стаканы. Единственное, что объединяло современные стаканы с их предками - это их прозрачность. Предположительно, чтобы люди могли увидеть заказанное ими зелье.

Ее зелье называлось "Юпитер". Совершенно не зная об истории алкогольных напитков, Монтень не подозревала, что ее предки, которые пили из настоящих стеклянных емкостей, были бы удивлены или потрясены (или и то, и другое), если бы увидели заказанную ею жидкость. Она была расположена в чередующихся горизонтальных слоях различных оттенков оранжевого, желтого, кремового и бежевого, которые вращались вокруг шарового "стекла" с периодом около десяти секунд. Она ненадолго разбивала узор, каждый раз глотая из стакана, но жидкость возвращалась в свой надлежащий порядок и движение.

Центральным элементом напитка было большое красное пятно, которое вращалось вместе с остальным.

На самом деле она до сих пор почти не касалась его. Теперь она проглотила около трети. Как и ожидалось, вкус был отличным. Как и должно было быть, учитывая, сколько с нее за это взяли. Бывшая графиня Тор редко пила спиртные напитки, но когда пила, то не видела причин скупиться. В конце концов, она была одной из самых богатых из живущих людей.

"Так что ты думаешь?" - спросила Фанни, и Монтень поставила стакан и посмотрела на нее с явным подозрением.

"Ты их к этому подговорила, не так ли?" - сказала она.

Фанни положила руку себе на грудь и как могла изобразила обиду. Получилось... не очень хорошо.

"Конечно, нет!" - сказала она добродетельно. "Хотя должна признать, что когда Чак предложил эту идею, я была полна энтузиазма." Она бросила на Монтень взгляд, сочетающий обвинение и защиту. Во всяком случае, пыталась. "Я думала, ты тоже воспримешь ее с энтузиазмом."

Монтень снова подняла стакан, обдумывая этот вопрос и отпив немного. На этот раз ей потребовалось гораздо больше времени. Затем, наконец, она покачала головой.

"Признаюсь, я захвачена духом вашего предложения, Чак. Но вы идете по неверному пути."

"Я весь превратился в слух, как говорится."

"Проблема очевидна - даже больше вам, чем мне. Если появится предположение, что флот Солнечной Лиги вступает в сговор с террористами - тем более террористами Одюбон Баллрум - вам никогда не позволят сделать это. За каждый ваш шаг будут следить репортеры, политики и люди, которые платят им за то, чтобы они вас преследовали."

"Я полагаю, что это на самом деле что-то вроде преуменьшения," - сухо сказала полковник Ван. Монтень взглянула на нее, и та пожала плечами. "Я должна признаться, что как "шпион" рассматриваю любую операцию, которая проходит открыто, как провал в полевом искусстве. Однако в данном случае, как я понимаю, мы хотим быть максимально открытыми. В конце концов, - она немного критически посмотрела на Ганнона, - многое из этого, с нашей точки зрения, касается не только искупления вины флота - в глазах общественности, как и в его собственных - фактическим подавлением работоторговли. Что означает выход на публику. А это значит, что журналисты узнают об этом. Мы этого хотим. И когда это произойдет, по крайней мере, некоторые из них собираются обвинить любую связь с Баллрумом. Разве не так, доктор Ганнон?"

Ганнон поморщился.

"Я признаю, что это, безусловно, большое опасение адмирала. Я почти уверен, что смогу решить эту проблему, как только она возникнет." Что-то похожее на фырканье пришло со стороны Ван, и его губы дернулись. "Тем не менее, я признаю, что это будет непросто," - добавил он.

"Не нужно все усложнять," - сказала Монтень. "Все, что вам нужно сделать, это подойти к проблеме, так сказать, со стороны."

"Поясните это, пожалуйста."

"Конечно." Она сделала еще один глоток, в основном чтобы дать себе немного времени подумать, затем поставила стакан. "Не подходите близко к Баллруму. Вместо этого обратитесь к правительству системы Конго с предложением провести совместные военные учения. В частности, антирабовладельческие патрули. Вам даже не нужно ждать, пока Конституционный съезд ужесточит существующие законы против рабства, потому что они уже там есть, не так ли, полковник?" Она показала пальцем на Ван, которая твердо кивнула. "Будет довольно неловко политику - или даже скандальному листку - доставить вам неприятности из-за того, что вы начали обеспечивать соблюдение собственных законов Лиги."

Ганнон откинулся назад и отпил из своего стакана.

"Это... конечно возможно. Было бы очень неловко, если бы Факел входил в Большой Альянс, но это не так."

"Духовно был," - отметила Монтень.

"Да?" Ганнон фыркнул. "Буква закона может работать в обоих направлениях. Особенно сейчас, если кто-то попытается обвинить нацию бывших рабов. Дело в том, что большинство Временной Ассамблеи, а не только делегаты Конституционного съезда - довольно существенное большинство - искренне против рабства. И, давайте посмотрим правде в глаза, хотят ли они признать это публично или нет, почти все они знают, что "любимые дела" бюрократии Лиги с коррумпированными корпорациями во многом связаны с тем, почему и как Большой Альянс только что вручил Лиге ее задницу. Они не хотят, чтобы это дерьмо снова началось."

"Мы в жандармерии тоже так считаем," - сказала Ван, еще раз кивнув. "Понимаете, некоторые из нас более циничны, чем другие, относительно того, как долго продлится нынешнее настроение. В этом отношении опыт не внушает оптимизма. Однако на данный момент это именно тот посыл, который мы получаем от нашего нынешнего политического начальства."

"Я согласна," - сказала Фанни. "Особенно это касается Конституционного съезда. Вы не общались ни с одним из делегатов, Кэти, потому что... ну, потому что вы должны оставаться дипломатом. Вы являетесь частью Большого Альянса. Но я - нет, и я все время общаюсь с ними."

"Прошу прощения." Контр-адмирал Роббинс заговорила впервые после того, как Ганнон сделал свое предложение. "У меня нет проблем с тем, что вы предлагаете, графиня - извините, Кэти. Но я не уверена, как это решает нашу проблему необходимости в советниках - я говорю прямо - из Баллрум. Они нам понадобятся, иначе мы будем блуждать, по крайней мере, полуслепыми."

Майор Скарлатти усмехнулся.

По предложению Ганнона - по крайней мере, как его поняла Монтень - Скарлатти будет руководителем жандармерии в патрулях, если предположить, что этот мозговой штурм сдвинется с мертвой точки, и она подумала, не было ли одной из причин, по которой его выбрали то, что он был настолько младше Роббинс по званию. Технически флот будет действовать под управлением Министерства юстиции, что означало, что командование должно было осуществляться жандармом. Но поскольку он был младше Роббинс, он должен был выполнять функции ее заместителя, а не командира.

Было очевидно, что у них двоих комфортные рабочие отношения, но теперь Роббинс посмотрела на него, и он покачал головой.

"Адмирал, вы не учли, сколько во Флоте Факела бывших членов Одюбон Баллрум." Он посмотрел на Монтень. "Должно быть как минимум... десять процентов, я думаю?"

"Ближе к пятнадцати - или даже к двадцати - по словам Антона," - ответила она. "Да, их довольно много. И некоторые занимают командные должности."

"Я могу с этим работать," - весело сказал Скарлатти. "На самом деле, я могу знать некоторых из них."

"Простите?"

Обе брови Роббинс поднялись, и он снова усмехнулся.

"О да." Он с хитрой улыбкой посмотрел на Ван. "Эти "ужасные террористы" и жандармерия время от времени - на самом деле довольно часто - обнаруживали, что наши интересы... скажем так, совпадают. Я уверен, что иногда такое случалось даже с прекрасными, порядочными офицерами флота. Я знаю, что в любом случае это случалось с образцами добродетели в Королевском Флоте Мантикоры."

Контр-адмирал фыркнула в знак признания и провела рукой по коротким волосам.

"Я знала, что многие в Баллрум "вернулись домой" на Факел и пошли в армию," - сказала она. "Однако я не понимала, что они составляют такую большую долю их флота."

Она задумчиво отпила из своего бокала. Это была пурпурная смесь, имевшая название

"Манхэттен". В честь древнего жулика, если Монтень правильно помнила историю.

"Хорошо." Роббинс поставила стакан и кивнула. "Это должно сработать. Но есть еще пара проблем."

"Проблемы?" Монтень вопросительно наклонила голову. "Какие проблемы?"

"Ну, первая - это добраться туда. Отсюда до Конго примерно сорок шесть дней, даже через Мантикору и Эревон. По любому другому маршруту это чертовски долгое путешествие, и флот Солнечной Лиги - не совсем то, что приветствуется в пространстве Большого Альянса. Итак, мой первый вопрос, Чак - можем ли мы позволить себе ждать еще семь Т-недель, прежде чем начнем?"

"Хм." Ганнон потер верхнюю губу, затем пожал плечами. "Не вижу, почему бы и нет. Очевидно, мы надеялись приступить к делу раньше, но леди Кэтрин права насчет того, куда нам следует идти, чтобы получить... необходимые нам знания. И мы еще не объявили об этом ни общественности, ни флоту в целом, так что у нас нет серьезного дефицита времени, чтобы добиться результатов."

"Окей." Роббинс кивнула. "Вторая проблема - это наша нежелательность. Помните? Герцогиня Харрингтон объявила, что любой корабль ФСЛ, обнаруженный за пределами пространства Лиги, будет рассматриваться как пират и уничтожаться без переговоров. У меня такое ощущение, что ни Беовульф, ни Мантикора точно не отключили свою системную защиту. И мне очень-очень не хотелось бы быть мертвым пиратом, а не живым соларианским офицером."

"Хорошее замечание." Ганнон кивнул и посмотрел на Монтень. "Вы случайно не знаете каких-либо видных мантикорских политических лидеров, которые могли бы помочь нам в этом, а?"

"Ненавижу ввязываться в "дипломатическое" дерьмо," - пробормотала Монтень. Но затем, поморщившись, она кивнула. "Я могу поговорить с адмиралом Л'Англэ. Если предположить, что она захочет помочь - а я не понимаю, почему бы ей этого не сделать - она, вероятно, сможет расчистить вам дорогу, по крайней мере, до Мантикоры."

"Вероятно?" Роббинс вопросительно посмотрела на нее.

"Ну, если не сможет, по крайней мере, она мне это скажет."

"Ну, если мы зашли так далеко, остается только последняя проблема," - сказал Роббинс. "Знакомство. Я явлюсь со своей эскадрой линейных крейсеров и по крайней мере с одной эскадрой эсминцев, а также с парой вспомогательных кораблей для тылового обеспечения. Возможно, Факел не был частью Большого Альянса, но я полагаю, что он знает обо всех этих "пиратских кораблях". Мне нравится думать, что они, по крайней мере, дадут нам возможность объясниться, прежде, чем выбросят нас в космос, но я не хочу рисковать жизнями моих людей для выяснения этого. И входят они в Большой Альянс или нет, по нашим сообщениям, в Конго часто бывают отряды кораблей Альянса. Кстати, не так давно Факел подвергся попытке геноцида. Думаю, им вряд ли понравится, если мы ввалимся через гипер без приглашения."

"Ну, это просто!" Фанни указала на Монтень. "Пусть она пойдет впереди на своей яхте."

"Что?"

Харрингтон Хаус

Харрингтон-Сити

Землевладение Харрингтон

Планета Грейсон

Система Грейсон

Хонор Александер-Харрингтон подняла глаза, когда кто-то слегка постучал в дверной проем ее кабинета, затем улыбнулась каштанововолосому лейтенант-командеру, стоявшему в дверном проеме рядом с капралом Джошуа Аткинсом, ее дежурным оруженосцем, и покачала головой.

"Вальдемар. Какой огромный сюрприз для меня снова увидеть вас."

Случайного наблюдателя можно было бы простить, если бы он обнаружил в ее тоне некоторую иронию, и лейтенант-командер Тюммель улыбнулся ей в ответ.

"На этот раз я просто был рядом и подумал, что загляну к вам, Ваша Милость."

"Почему мне так трудно в это поверить?" - задумчиво спросила она.

Адмиралтейство и императрица Елизавета заставили ее бывшего флаг-лейтенанта играть роль почтальона к Хонор на Грейсоне. Она была признательна за то, что ее информируют, но она четко изложила свою позицию. Она не вернется на действительную службу.

Не в ближайшем будущем, по крайней мере.

Она отодвинула свое плавающее на антиграве кресло от огромного, безупречно аккуратного, невероятно хорошо организованного стола и встала. Деревянный кот, который дремал на полке за ее креслом, проснулся и издал собственное веселое приветствие.

"Я считаю, что мы можем доверять командеру, Джошуа," - сказала она.

"Конечно, миледи," - согласился Аткинс, хотя она заметила, что он бросил на Нимица довольно внимательный взгляд, прежде, чем отступить. Она вздохнула. Ни один из ее оруженосцев не собирался забыть, что случилось с Саймоном Маттингли... или Тимом Меарсом, с грустью подумала она. Но по крайней мере, Джошуа был готов доверить Нимицу заботу о ней, если нанотехнологические убийцы каким-то образом добрались до Вальдемара.

Тюммель пересек освещенный солнцем офис - она настояла на световом люке, в основном для того, чтобы Нимиц имел настоящий солнечный свет, на котором он мог бы вздремнуть, хотя это потребовало некоторой переделки купола Харрингтон Хауса - и она протянула ему руку.

"Хотя я подозреваю, что ты здесь с недоброй целью, я действительно рада тебя видеть," - сказала она, тепло улыбаясь, и крепко сжала его руку.

"Нет, никакой "недоброй цели" нет." Он покачал головой. "У меня есть несколько сообщений для вас из Адмиралтейства и из дворца Маунт Роял, но Ее Величество специально поручила мне сказать вам, что они предназначены исключительно для вашего сведения и не представляют собой то, что она назвала "попыткой затащить вас обратно на Мантикору". И нет, на этот раз меня не послали специально для их доставки. Я на самом деле еду в Болтхол."

"Болтхол?" Хонор приподняла бровь. "Разве ты не далековато от кратчайшего пути из Мантикоры в Болтхол?"

"Самый короткий маршрут - прямой, да." Он кивнул. "Но я забираю около полдюжины грейсонских флотских конструкторов с Ворона, а затем отправляюсь в Новый Париж, чтобы забрать пару образцов НИОКР, специально запрошенных адмиралом Форейкер."

"Ты забираешь?"

"Ну да," - сказал он невинным тоном. "Ой! Я забыл сказать, что на прошлой неделе мне дали Гасвейна?"

"В самом деле?" Она сильнее сжала его руку, радостно улыбаясь. "Это чудесно! И ты, черт возьми, это заслужил."

"Я не знаю, заслужил или нет, но я вроде как пообещал, что не сломаю его, прежде, чем мне дали ключи," - ответил Тюммель с широкой улыбкой, и она громко рассмеялась.

КЕВ Гасвейн был эсминцем класса Роланд, отличным командованием для кого-то его звания, особенно теперь, когда война с Солнечной Лигой почти закончилась. Официально она не закончится, пока Конституционный съезд на Старой Земле не выработает конституцию, приемлемую для Большого Альянса, а новая Солнечная Лига не подпишет мирный договор. Однако, согласно другим сообщениям, которые были отправлены на Грейсон "исключительно для ее информации", этот процесс на самом деле шел довольно хорошо. Ей было интересно, как присутствие Кэтрин Монтень на Старой Земле сыграло свою роль в этой смеси, но в отличие от многих других аристократов, она любила - и восхищалась - бросанием бомб (образно говоря, конечно) бывшей графини Тор. Она ожидала, что любое влияние Монтень будет... живым, но также ожидала, что оно будет хорошо продуманным и эффективным.

Впрочем, на это уйдет еще несколько месяцев. Любой, у кого был работающий мозг, знал это. Создание целой новой звездной нации, особенно размером с Солнечную Лигу, даже после ее значительных территориальных потерь, не было чем-то, с чем можно - или нужно - спешить. Она бы предпочла, чтобы они нашли время, чтобы все исправить.

Но пока они этого не сделали, флот Большого Альянса в основном оставался в режиме ожидания.

Большая часть Большого Флота вернулась в систему Мантикора, оставив "только" три или четыре дюжины подвесочных супердредноутов и вспомогательных кораблей в Солнечной системе под командованием адмирала Паскалин Л'Англэ. Л'Англэ была заместителем Хонор с Хевена в операции Немезида, и Хонор была очень рада оставить Паскалин присматривать за Старой Землей и мягко напоминать Конституционному съезду, что Большой Альянс смотрит через его плечо. Вежливо, но твердо.

Однако крах Протекторатов Пограничной Безопасности оказался еще более беспорядочным, чем она опасалась. Слишком многие губернаторы УПБ, разгневанные потерей своих уютных, коррумпированных и высокодоходных личных империй, похоже, решили максимально затруднить переход к самоуправлению. Некоторые зашли так далеко, что стерли важные записи на том основании, что их файлы содержали секретную информацию, и они не могли допустить, чтобы она попала в системы, не входящие в Лигу. Другие загрузили всю жандармерию в своих системах на транспорты, поднялись на борт и направились в Центр, оставив местную звездную систему без обученных администраторов, местной полиции, персонала по управлению движением и всего, что нужно было, чтобы создать стабильное правительство и собственную экономику.

Правда, больший процент губернаторов, чем она надеялась, на самом деле пытался помочь

процессу двигаться гладко или, по крайней мере, не мешал, чтобы это происходило. Но те, кто сознательно создавали проблемы, были более неприкрытыми, раздражительными и просто откровенно злобными, чем она на самом деле ожидала.

И перед лицом этой накатывающей волны потенциальной катастрофы Большой Альянс обнаружил, что вынужден был быть гораздо более "практичным" в управлении этими переходами, чем надеялся. Это означало, что Объединенный комитет начальников штабов был вынужден собирать эскадры крейсеров и флотилии эсминцев в Большом Флоте - и везде, где они могли их найти - чтобы использовать их для проецирования силы и контроля над территориями, куда они отправляли администраторов и техников, чтобы помочь справиться с хаосом. Это было непростое дело, потому что было абсолютно необходимо, чтобы Большой Альянс не выглядел так, как будто он пытается приобрести своего рода "влияние", которое позволило бы ему доминировать и эффективно контролировать эти теоретически независимые звездные системы. Фактически, единственное, что было важнее, чем избегать появления этого - это избегать ситуации, в которой это действительно произошло.

Хонор знала, что это возможно. Не потому, что этого кто-то хотел. Хитрость заключалась в том, чтобы найти способ стабилизировать ситуацию и предоставить необходимый опыт таким образом, чтобы местные жители могли управлять своей собственной, недавно восстановленной судьбой.

Она была просто счастлива, что ей не надо заниматься этим.

Она сказала это себе твердо. Очень твердо.

"Итак, после выполнения обязанностей шофера, куда отправят тебя и Гасвейна?" - спросила она. "Ты уже знаешь?"

"Нас назначили в шестьдесят вторую флотилию эсминцев," - ответил Тюммель. "Я не знаю точно, что это будет означать для Гасвейна, но я знаю, что они разделили по крайней мере три другие флотилии на дивизионы и назначили их для поддержки наших усилий по "строительству нации" в Оболочке и Окраине."

Хонор мысленно поморщилась. Она подумала, что лучшего термина для этого не найти, но историк в ней знал, как часто "строительство нации" не оказывалось ничем подобным. Не говоря уже о взрывах в лица пытающихся.

"Сколько времени ты в системе? Ты можешь остаться на ужин?"

"О, мы не уедем до завтра. Может быть, даже не раньше послезавтра." Тюммель покачал головой. "Моим пассажирам потребуется еще как минимум двенадцать - четырнадцать часов, чтобы собраться и подготовиться к отъезду. На самом деле они не знали, что едут, пока я не пришел к ним с приказами." Он ухмыльнулся. "За что я люблю флот, Ваша Милость!"

"Если ты не понимаешь шуток - не смейся," - торжественно сказала она, и он громко рассмеялся.

Хотя, подумала она, в некотором смысле именно этот кусочек мудрости с нижней палубы был менее юмористическим, чем обычно. Приказы о неожиданном передвижении редко приветствовались, и это было особенно актуально сейчас для Ворона. Разрушительные повреждения, нанесенные Ударом Явата верфям Ворона, были далеки от восстановления. Ситуация была намного лучше, чем была раньше, но возможности верфей были не более тридцати процентов от возможностей до удара, и это было неплохо. И люди, которым было

поручено восстановить их, подошли к своей задаче с сильным чувством миссии и почти религиозным - нет, в некоторых случаях религиозным - рвением.

"Ну, по крайней мере, это означает, что мы можем накормить тебя сегодня вечером. Ты приведешь своих свободных от вахты офицеров?"

"Конечно, если их пригласят... и если будет достаточно места. Мы не хотели бы навязываться."

"Вальдемар, сколько раз ты был в Харрингтон-Хаусе, когда был моим флаг-лейтенантом?"

"Э-э... много?" - предположил он.

"Может быть даже вдвое больше," - сказала она. "Ты ведь помнишь, какого размера большая столовая, не так ли?"

"Ну да, Ваша Милость. Но, ммм, я думал, вам не нравится ее использовать. Я, кажется, припоминаю, как вы называли это "расконсервацией мавзолея"."

"Да," - сказала она рассудительным тоном. "Однако в данный момент нужно покормить несколько лишних ртов. Я, граф Белая Гавань, Нимиц, всего - позвольте сосчитать... девять древесных котов, мои мама и папа, Вера и Джеймс, Рауль и Кэтрин, Линдси, около дюжины оруженосцев, Сандра Терстон, адмирал Брайэм, адмирал Ю, Остин, Бетани, Ребекка, Констанс, Хонор Мэйхью, преподобный Салливан..."

Она остановилась, когда он поднял обе руки, смеясь и сдаваясь.

"Как видишь, - ласково сказала она, - полдюжины офицеров - черт возьми, вся ваша кают-компания - на самом деле мало что добавит к этой толпе."

"И так каждый вечер, Ваша Милость?" - спросил он, все еще смеясь.

"Нет, не каждый вечер," - признала она. "Но чаще всего по вечерам у нас собирается довольно много людей, которые хотят поесть." Ее улыбка исчезла. "Я думаю, что отчасти это связано с тем, что они хотят, чтобы я - ну, дети, я и Хэмиш - знали, что они любят нас. Что они здесь ради нас. Поэтому, даже когда они сводят меня с ума, - ее улыбка прояснилась, - на самом деле я тронута."

"Я понимаю," - сказал он, и чувство эмпатии, которое она разделяла с древесными котами, подсказало ей, что он действительно понимает.

Удар Явата и удар по Беовульффу слишком дорого обошелся слишком многим людям, но особенно сильно он ударил по Хонор и ее семье. Тюммель знал об этом как никто другой. Он знал, что практически вся ее семья на Сфинксе погибла в результате Удара Явата, и он знал, что Эмили Александер-Харрингтон умерла на ее руках, полагая, что их муж погиб на Беовульфе. Хонор думала, что Хэмиш мертв, когда она вошла в Солнечную систему, чтобы выполнить операцию Немезида и положить конец войне. И поэтому Тюммель знал лучше, чем многие другие, насколько близко она подошла к краю безумия, как ужасно она была потрясена, прежде, чем Хэмиш был чудесным образом возвращен ей.

И да, он точно понимал, почему люди, которые любили ее - оставшиеся в живых члены ее большой семьи и жители ее землевладения - были полны решимости доказать ей, что она не была и никогда не будет одна.

Конечно, она знала это, и она повернулась, подставив руки, Нимиц прыгнул на них, а затем влез на ее плечо. Она чувствовала, как его мыслесвет касается ее мыслесвета, сливается с ним, и уверенность в его любви течет через нее, как солнечный свет, льющийся через окно в крыше.

"Ну хорошо," - сказала она, снова повернувшись к Тюммелю. "Я просто скажу госпоже Торн, что сегодня у нас будет несколько лишних ртов. Она будет в восторге. На самом деле ей нравится готовить для одной или двух рот морской пехоты!"

* * *

"Ты в порядке, дорогая?" Низкий голос Хэмиша Александера-Харрингтона почти терялся в фоновом шуме разговоров, в звуках посуды.

"В полном порядке!" - ответила Хонор, но оба древесных кота, сидевшие на высоких стульчиках рядом со своими людьми, посмотрели на нее так, как они смотрели на Джеймса или Веру, когда те клялись, что понятия не имеют, кто мог совершить набег на банку с печеньем.

Хэмиш взглянул на них, а затем посмотрел на Хонор своим старомодным взглядом.

"Предатели!" - пробормотала она их пушистым компаньонам.

"Что с тобой?" - спросил Хэмиш, и она вздохнула.

"Утренняя тошнота." Она угрюмо потыкала вкусное жаркое на своей тарелке. Жаркое в горшочке, которое она просто не могла заставить себя проглотить. "Или, наверное, вечерняя тошнота."

"Опять?" Его тон был осторожно нейтральным, и она криво улыбнулась ему, пробуя его мыслесвет. Преобладала искренняя озабоченность, смешанная по крайней мере с легким весельем и чувством настороженности.

"Да." Она отложила вилку, взяла бокал и отпила.

До беременности она никогда так не любила фруктовые соки. Она никогда не испытывала к ним неприязни, но они не были в списке ее любимых напитков. Однако теперь комбинация гранатового и ежевичного сока зарекомендовала себя как то, что ее привередливый желудок иногда мог терпеть.

Привередливый желудок, подумала она. С этим редко сталкивался кто-то с модификацией Мейердала. Обычно они были слишком озабочены своим активным метаболизмом, чтобы привередничать. Ну, кроме брокколи, конечно. Но сейчас... все по другому.

"Я думал, что после первого триместра это должно прекратиться," - сказал Хэмиш, когда она поставила бокал. Он взял графин и налил в бокал еще сока, его голубые глаза излучали одновременно веселье и сострадание с оттенком беспокойства. "На самом деле я почти уверен, что доктор Фрейзер сказала, что именно так и бывает."

"Она сказала, что обычно так и бывает," - ответила Хонор. "И я подумала, что она, вероятно, была права в моем случае, учитывая, насколько легко протекали мамины беременности." Она осмотрела стол и увидела, что Аллисон Харрингтон радостно смеялась над тем, что только что сказал один из офицеров Тюммеля. "Черт возьми, у мамы никогда не было тошноты по утрам. Иногда мне очень хочется ее задушить."

Нимиц засмеялся, и его руки замелькали.

"Нет, я не думаю, что шучу," - сказала она ему, читая его знаки. Затем мелькание пальцев замедлилось, и выражение ее лица смягчилось.

"Ты прав - ты прав!" - сказала она. "Я все равно ни за что не откажусь от этого. Но это не значит, что это все постель из роз," - добавила она, улыбаясь Хэмишу.

"Я всегда думал, что постель из роз в любом случае будет полна шипов," - сказал он ей.

"Конечно да, особенно если она принадлежит нам!" Хонор усмехнулась, прижимая ладонь к слегка вздущемуся куполу живота. "Я не думаю, что нам что-то давалось легко, не так ли?"

"Ну... дай мне подумать..." Он откинулся на спинку стула, с прилежным выражением лица потирая подбородок. Он оставался в таком состоянии не менее пятнадцати или двадцати секунд, затем торжественно покачал головой. "Нет. Ничего не могу вспомнить."

"Я тоже не могу, но... - она взяла его за запястье, положила его руку на это нежное вздутие и улыбнулась ему в глаза, - ...я бы ни за что не отказалась от этого. Ты знаешь это, правда?"

"О, я думаю, ты можешь предположить, что ответ на этот вопрос - да." Он наклонился и нежно поцеловал ее в щеку. "Ничего стоящего не дается легко," - сказал он ей, устраиваясь поудобнее.

"Нет, но я бы не возражала, если бы это прошло без тошноты," - сказала она немного едко, и настала его очередь усмехнуться.

"Ну, я вроде как размышлял над этим. Ты казалась немного голодной за обедом. Так что..."

Он посмотрел мимо нее, когда открылась дверь и вошла госпожа Сью Торн, грозная домоправительница и повар Хонор. Хонор понятия не имела, как он мог подать сигнал госпоже Торн. С другой стороны, она не упустила из виду, что он мог заручиться поддержкой Джеймса МакГиннеса. Она посмотрела на стол справа от себя, где сидел МакГиннес рядом с Хонор Мэйхью, и человек, который когда-то был ее стюардом, а теперь мажордомом, хранителем и правой рукой, вежливо посмотрел на нее.

Да, подумала она, пробуя его мыслесвет. Хэмиш привлек его к участию в заговоре "Как мы накормим Хонор сегодня вечером." Она не заметила, как он пользовался своим уни-линком, но ее подозрения подтверждались.

Госпожа Торн подошла к ней, поставила поднос, который несла с собой, и легонько положила руку на плечо Хонор.

"Граф сказал мне, что вы, возможно, сегодня вечером... снова откажетесь от еды, миледи," - сказала она, мягко сжимая плечо. "Поэтому я приготовила это."

Она подняла крышку с подноса, и Хонор улыбнулась, увидев покрытую медом тапиоку. Тапиока была одним из ее любимых десертов с детства. Более того, она обнаружила, что может съесть ее, независимо от того, насколько сильным было утреннее недомогание. Ну, по крайней мере, обычно. Однажды...

Она выбросила это конкретное воспоминание из головы и потянулась за ложкой.

"Благослови тебя Бог, Сью!" - сказала она.

"Не то чтобы здесь есть все, что вам нужно," - сказала госпожа Торн. "Но если все пройдет гладко, этого пока достаточно. Кроме того, если нужна добавка..." Она снова сжала руку. "Просто скажите мне, есть ли еще что-нибудь, что, по вашему мнению, можно съесть. Мы сделаем это для вас."

"Я знаю." Хонор на мгновение моргнула затуманенными глазами, протянув руку, чтобы накрыть руку на своем плече. "Я знаю." Она огляделась вокруг стола, поняла, сколько людей вокруг него - людей, которых она любила - смотрели на нее, и ее губы слегка задрожали, когда она повернула голову, чтобы снова взглянуть на свою домоправительницу.

"Я знаю," - мягко повторила Хонор Александер-Харрингтон.

Главный космодром

Город Мендель

Планета Меза

Система Меза.

"Не трудитесь распаковываться." - сказал Каша, ожидавший в вестибюле, когда Дэмиен Харахап и Индиана Грэхэм вышли из шаттла. "Мы уезжаем через пару часов."

Он показал пальцем на другой шаттл, припаркованный на соседней площадке.

"Просто отнесите туда свои сумки," - сказал он им. "Мы поднимемся на борт, как только все будут здесь."

Инди и Харахап посмотрели друг на друга, затем снова на Каша и стоящего рядом с ним большого парня в форме майора соларианской морской пехоты.

"Все - это кто?" - спросил Инди.

"Это Брайс Тарковский. Он поедет с нами. Объясню позже. У нас будет много времени в поездке на Конго. Прямо сейчас я предлагаю вам сложить свое снаряжение, а затем что-нибудь поесть."

"Я могу порекомендовать закусочную в зале G," - сказал Тарковский. "По крайней мере, при условии, что вы любите вьетнамскую кухню в смеси с баскской. Не просите повара рассказать что там. Я совершил эту ошибку и еще не восстановился. Но вкус приятный."

"Вьетнамская с баскской?" Харахап улыбнулся. "То, о чем я всегда мечтал. Вы к нам присоединитесь?"

"Он присоединится," - сказал Каша, кивая в сторону Тарковского. "Я - нет. Я обедаю с Танди. Не знаю, когда увижу ее снова."

Инди и Харахап снова посмотрели друг на друга. Древесный кот на плече Харахапа покачал головой в покорном жесте, которому он научился у своего двуногого. Затем все трое снова посмотрели на Каша.

"Правильно ли я предполагаю, что Инди и я находимся в той же ситуации "не знаю, когда я

снова увижу кого-то?" - спросил Харахап.

"Да. Правильно."

Каша кивнул, и Харахап и Инди снова посмотрели друг на друга.

"Единственный мой друг, кроме тебя, - сказал Харахап, касаясь ушей Надзирающего За Огнем, - вот этот парень."

Надзирающий За Огнем мяукнул.

"И он едет с нами," - добавил Харахап. "А что у тебя?"

"Нет никого в пределах досягаемости." Инди пожал плечами. "Мои друзья и Маккензи на Серафиме. И... эээ... ну. Может быть, есть еще кое-кто, но я тоже не смогу добраться до нее за два часа."

Харахап кивнул, затем снова повернулся к Каша.

"Счастливчик," - весело сказал он.

<http://tl.rulate.ru/book/64230/1688875>